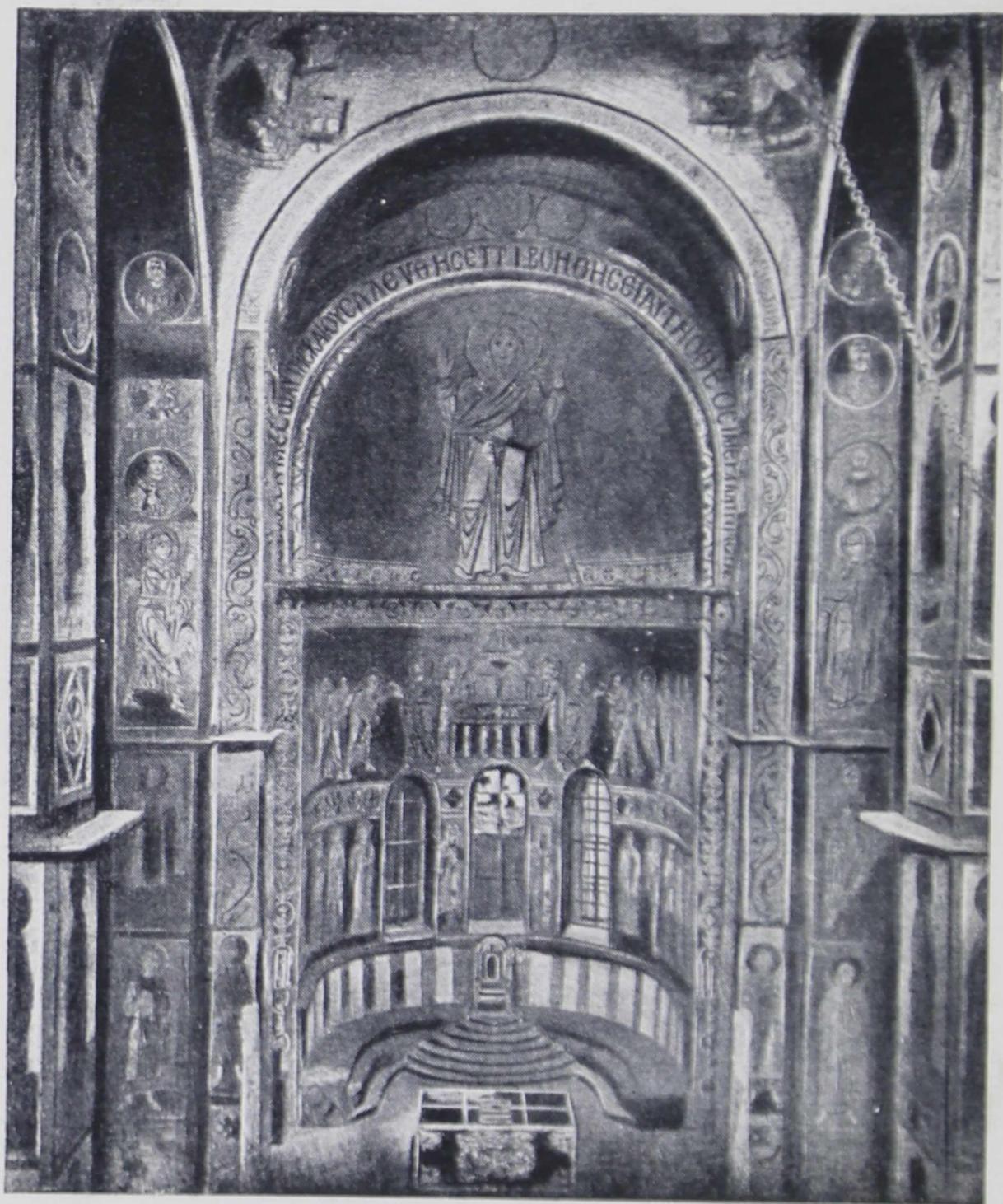

5(5) 12
F-80
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Б. Д. ГРЕКОВ

К
УЛЬТУРА
КИЕВСКОЙ
РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1944

Главная алтарная абсида св. Софии Киевской.
Собр. И. Э. Грабера

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

91512
П 80

ИЗ КНИГ
С.П.Григорова

Б. Д. ГРЕКОВ

**КУЛЬТУРА
КНЕВСКОЙ
РУСИ**

Российский Институт культурного
и природного наследия
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—Ленинград
1944

АНДРЕЙ НАК ОРОД УО

С. П. БРОДОВ

В. П. БРОДОВ

С. П. БРОДОВ

С. П. БРОДОВ

Handwritten signature or scribble.

ОТ АВТОРА

Если вы, собираясь осмотреть киевскую Софию, заранее решили отнестись снисходительно к умению наших далеких предков выражать великое и прекрасное, то вас ждет полная неожиданность.

Переступив порог св. Софии, вы сразу попадаете во власть ее грандиозности и великолепия. Величественные размеры внутреннего пространства, строгие пропорции, роскошная мозаика и фрески покоряют вас своим совершенством, прежде чем вы успеете взглядеться и вдуматься во все детали и понять все то, что хотели сказать творцы этого крупнейшего произведения архитектуры и живописи. О нем без всякого преувеличения говорил русский митрополит Илларион: „Церковь дивна и славна всем округным странам, яко же ина не обрящется во всем полунощи земленем от востока до запада“. Даже в перестроенном после значительных повреждений виде в XVII в. этот храм возбуждал удивление иностранцев. „Вся загадка в том,— пишет Павел Алепский (был в Киеве в 1653 г.),— откуда они (русские.— Б. Г.) добывают этот мрамор, эти огромные колонны, находящиеся вне церкви, потому что во всей этой стране нет ничего похожего на ломки мрамора. Оказывается, что они возили его через Черное море из Магмога, находящегося в окрестностях Константинополя, и потом подни-

---

Примечание. Для данного очерка использованы были, кроме источников, следующие работы: 1) Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси; 2) М. Д. Приселков, Нестор-летописец; 3) Е. Голубинский, История русской церкви; 4) История русской литературы. Изд. АН СССР, т. I, и др.

мались большою рекою Niergos, впадающей в это море; выгружали же в городе Киеве“.

Ваше удивление возрастет еще больше, если к этим впечатлениям присоединить, что св. София — не единственный, а может быть, и не лучший памятник этого рода. Рядом с Софией стоял другой храм, рухнувший во время осады города Батыем, так называемый Десятинный, известный также и под именем Софии.

Он занимал большое пространство (1542,5 кв. метров, ярославова София — 1326, правда без галлерей) и, судя по остаткам строительного материала и орнамента, был отделан даже богаче Софии ярославовой. Множество кусков мрамора (летопись даже называет этот храм „мраморным“), мелкие обломки мраморных баз и капителей, куски яшмы, повидимому привезенной из Крыма, остатки пола из разноцветных мраморов, куски стекол и крупного шифера, доставленного, вероятно, с Карпат, частицы стенной мозаики, фрагментов греческих надписей, — все это вместе взятое не оставляет сомнений относительно характера зданий.

Остатки рухнувшей, вероятно тогда же, нецерковной большой постройки, условно называемой дворцом княгини Ольги, говорят о такой же великолепии княжеского жилища. Это — двухэтажное кирпичное здание, в числе украшений которого в мусоре на пожарище найдены тонкие кирпичные плитки, окрашенные в светлокоричневый цвет, мраморы, красный шифер, мозаика, фрески, стекло и др. „Дворец“ выстроен раньше Десятинной церкви, т. е. приблизительно в середине X в.

Владимир, заинтересованный в построении в своем государстве христианских храмов, что требовалось для придания Руси христианского облика, отлично понимал ценность античного искусства. Он не мог отказать себе в том, чтобы не увезти из взятого им Корсуня античные статуи, два капища и квадригу [„Взя же и да медяне, две капищи и 4 кони медяны, иже и ныне стоят за святою Богородицею (Десятинная церковь.— Б. Г.), якоже неведуще мнят я мраморяны суща“], и поставил их на самом видном месте, где они и стояли, украшая столицу, до взятия ее Батыем.

Совершенно так же, по инициативе Карла Великого, его столицу Аахен украшала статуя Теодориха, похищен-

ная Карлом в Равенне, а увезенная из Константинополя конная квадрига до сих пор украшает фасад церкви св. Марка в Венеции.

Не менее сильное впечатление производит и Новгород Великий, сумевший сохранить до наших дней свою Софию, воздвигнутую в 1045—1051 гг. взамен сгоревшей деревянной тринадцатиглавой. Чернигов гордился своим Спасом, построенным счастливым соперником Ярослава, его братом Мстиславом. Столица этого последнего — Тмутаракань, к сожалению, не сохранила древних культурных ценностей. Полоцк сильно переделал свою Софию, но мы и по дошедшим до нас следам можем составить представление об архитектурном замысле ее создателя... Нет нужды перечислять всех сокровищ Киева, Новгорода, Чернигова, Полоцка, Галича и других древних городов Руси. И без этого перечня бросается в глаза не только высокий уровень русской культуры X—XI вв., но и широкое ее распространение на огромных пространствах Восточной Европы.

Откуда же этот размах и столько вкуса в произведениях искусства? Очень часто на сцену в таких случаях выводят греческих инженеров и мастеров. Но это ответ только наполовину. Крупные сооружения требуют не только опытных инженеров, а и достаточно квалифицированных рабочих, которых, конечно, из Греции не привозили. На Руси в это время было немало своих мастеров-художников. Слава о них шла далеко по земле уже в IX и X вв. В известном трактате Теофила (конец IX в.), посвященном технике различных художественных ремесел, в почетном списке передовых стран Европы и Востока Русь поставлена на втором месте после Византии, впереди Англии, Италии, Франции и Германии. О более позднем времени и говорить не приходится.

В сказании о Борисе и Глебе (XII в.) отмечается мастерство русского художника, который „тако украси (раку Бориса и Глеба.— Б. Г.) добре, яко не могу,— пишет автор,— сказати оного ухищрения по достоянию довольно, яко многим, приходящим от Грек и иных земель глаголати: „нигде же сицея красоты бысть“. Византийский поэт XII в. прославлял русскую резьбу по кости и сравнивал русского мастера с легендарным Дедалом. Итальянец Плано Карпини, перевидавший немало изящных вещей у

себя на родине, не мог не отметить единственную вещь, бросившуюся ему в глаза при дворе Гуюк-хана, — ханский трон, сделанный русским мастером Козьмой: „Трон был из слоновой кости, было там также золото, драгоценные камни, если мы хорошо помним, и перлы“¹.

Инженер только выполняет заказ, а заказчиком в данном случае было Киевское государство, заинтересованное в том, чтобы Киев стал не хуже Константинополя, чтобы свои собственные Софии появились в крупнейших городах Руси, и прежде всего в ее столице, чтобы величопение и грандиозность столичных зданий могли вызывать в русском человеке сознание величия своего народа и государства.

По этим, случайно уцелевшим показателям высоты и блеска культуры Киевского государства мы вправе судить и о других сторонах жизни общества, неизбежно находящихся в известной взаимосвязи. И все то, что имеется у нас в руках, будь то предмет домашнего обихода, украшение костюма, оружие, поэма, проповедь или повествовательное литературное произведение, — одинаково говорит о том, что не случайно, а вполне закономерно появились в столице Руси и в других русских городах в X—XI вв. величественные постройки, их талантливые строители и яркие художники.

Конечно, внезапно все это явиться не могло. Эти достижения — результат длительной жизни народа, умевшего трудиться, богатого инициативой и талантами, сумевшего создать условия для своего дальнейшего роста.

Мы можем проследить главнейшие этапы развития этой культуры, давшей столь четкие показатели своей зрелости уже к X—XI вв.

---

¹ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси.

I

ИСТОКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Когда речь идет о культуре того или иного народа, то приходится учитывать не только непосредственные достижения самого этого народа, но и то наследство, которое он получил от своих этнических предшественников, из элементов которых создавался и сам данный народ.

Мы не можем точно сказать, как именно и когда образовались славяне, но мы с полной убежденностью можем утверждать, что их происхождение корнями и ветвями входит в доскифское и скифское время, когда различные скифские племена и народности путем длительного и разнообразного общения друг с другом создавали новые этнические единицы, одной из коих и является славянство.

Имеем ли мы право, изучая культуру славян, игнорировать тот период их истории, когда они, еще не будучи славянами, тем не менее знали уже земледельческие орудия, были знакомы со многими видами хлебных злаков, пользовались силой прирученных животных, знали секрет добывания и обработки металлов, выработали известные представления о мире земном и загробном, в связи с чем у них успели сложиться строго соблюдаемые религиозные обычаи. Такого права мы не имеем.

Конечно, многое в жизни народных масс изменялось в связи с изменениями условий этногонического процесса, завершившегося формированием славянской народности, но всех культурных достижений новое этническое образование забыть не могло, и мы сделали бы очень

большую ошибку, если бы отказались от изучения этого старого наследства, без которого не может быть понята история культуры славян.

Это замечание относится ко всем народам мира. Нет народа без предков. Не может быть и истории без изучения культурных ценностей, созданных этими предками.

Только идя по этому пути, мы сможем избежать тех грубых ошибок, которыми наполнена наша историография по интересующему нас вопросу. Крупнейшему, например, историку XVIII и начала XIX в., с мировым именем, Шлецеру (1735—1809) восточноевропейская равнина до IX в. представлялась „ужасно дикой и пустой“. „Конечно,— продолжает он,— люди тут были, бог знает с каких пор..., но люди, не отличавшиеся ничем, не имевшие никаких сношений с южными народами, почему и не могли быть замечены и описаны ни одним просвещенным южным европейцем“.

Прославленному Шлецеру, конечно, следовало бы знать, что эти люди, которых он считал дикарями, были в разное время связаны с самыми культурными народами мира — эллинами, римлянами, арабами, греками (византийцами) и другими, что названные народы прекрасно „замечали“ и по мере надобности „описывали“ своих северных соседей, что, наконец, эти более культурные народы были поставлены в необходимость не только замечать, но и, для своей же пользы, внимательно изучать северян, которые отнюдь не казались им подобными зверям и птицам. Правда, немецкие же ученые, современники Шлецера, ему не верили, и Генрих Шторх (1766—1835), например, не мог не напомнить, что восточные славяне вели значительную торговлю с Востоком и Западом уже в VIII в. Но Шлецер это нисколько не смущало. Он называл рассуждения Шторха неучеными и уродливыми и считал, что этим своим приемом он решает спор в свою пользу.

Сам Шлецер в упорном отстаивании своего представления о древней Руси встречался, казалось бы, с сокрушающими его взгляды доводами. Как могла Византия заключать договоры с Русью, почему Русь свою мореходную терминологию в значительной степени получила от Византии, а не от норманнов, от которых, по теории Шлецера, она должна была ее получить, по-

Деталь св. Софии Киевской. Оранта.
Собр. И. Э. Грабаря

чему норманны так быстро ославянились? Иногда Шлецер расправляется с этими фактами довольно решительно. Олегов договор он объявляет подлогом, византийскую морскую терминологию на Руси он называет явлением случайным, а почему норманны ославянились, он просто отказывается объяснить („явление, которое и теперь еще, — пишет он, — совершенно объяснить нельзя“).

Спор тянулся долго, велся с большой остротой и упорством более 100 лет. Сейчас мы можем смело сказать, что вопрос решен окончательно и бесповоротно, и не в пользу Шлецера.

Внимательное и систематическое добывание, собирание и осмысление археологического материала, сопоставление его с письменными памятниками иноземного и русского происхождения привели историческую науку к весьма определенным и достаточно убедительным заключениям.

Я считаю необходимым установить некоторые исходные положения, принятые нашей наукой и необходимые мне для решения стоящей передо мной специальной задачи.

1. Если происхождение славян нам точно не известно, как не известно происхождение и других народов, то ясно, что славяне, как и другие народы, складывались исторически путем скрещивания различных племен.

2. Славяне генетически связаны с теми племенами, которых греки называли именем скифов, и прежде всего со скифами-пахарями.

Признание этих тезисов дает мне основание не отмежевываться от древнейших восточноевропейских культур, а попытаться разрешить вопрос о взаимных влияниях этих культур и их дальнейшей эволюции.

На основании археологических наблюдений устанавливается неразрывная цепь развития общества, сидящего в Поднепровье, на восток и на запад от него, от Карпат до Дона, неразрывная цепь от скифов до Киевского государства включительно.

Скифский период хотя и не связан непосредственно с историей восточных славян, однако сообщил им ряд штрихов, крепко привившихся в быту восточного сла-

вянства: похоронный обряд, скифо-сарматские ритуальные изображения, перешедшие в русскую народную вышивку, зооморфные и антропоморфные фибулы (застежки), мотивы скифских терракот на глиняных русских игрушках и др.

Приблизительно со II в. н. э. в вещах, находимых на интересующей нас территории, обнаруживаются предметы, носящие на себе следы римского воздействия.

VI—VII века — это время выявления собственной оригинальной восточнославянской, иначе антской, или русской культуры. С этого времени восточные славяне в письменных источниках именуется антами, одним из сирийских писателей Захарием называемыми „рос“. Весьма вероятно, что один из правых притоков Днепра, носящий имя Рось, связан с названием народа — рос. На эти предположения наводят и археологические факты: именно в Поросье найдено наибольшее количество антских вещей. Именно здесь, в стране чернозема, в полосе перехода леса к степи, имелись налицо условия для более быстрого роста культуры по сравнению с северной лесной полосой.

Не случайно именно тут, по обоим берегам Днепра, расположены курганы скифов-пахарей, т. е. одной из наиболее культурных частей скифских племен. Тут позднее мы застаем славянские племена полян, уличей (до их переселения на юго-запад) и северян.

Скифские курганы отделены от славянских более чем 1000 лет, но тип скифских могил Киевщины и Полтавщины остается в основном тем же.

Расцвет Среднего Поднепровья в скифскую эпоху выразился, между прочим, в усовершенствовании кузнечного и литейного дела (изготовление оружия, серпов, наконечников стрел и др.), ювелирного искусства, гончарного производства и др. Скифское производство встретилось с мастерством греческих причерноморских колоний, распространивших свое влияние на окрестное скифское население.

Удар, нанесенный вторжением сарматов, выразился в заметном упадке греческих городов и некотором подъеме культуры скифов-пахарей.

Но никакие катастрофы не могли уничтожить культурных достижений Поднепровья, которое, несмотря ни на

что, продолжало идти впереди северной лесной полосы. Старые корни поднепровской культуры оказались весьма стойкими и жизнеспособными.

Когда в связи с ростом Римской державы изменилась карта мира, и римские города, крепости и гарнизоны распространились от нынешней Венгрии до Приазовья, именно Поднепровье оказалось наиболее подготовленным к восприятию элементов римской культуры. Именно здесь найдено наибольшее количество римских монет II и начала III в. Очевидно, этот издавна земледельческий район вступил в интенсивные торговые связи с восточными провинциями Римской империи, что сказало, между прочим, и на русской системе мер сыпучих тел; русский четверик есть не просто перевод римского термина *quadrantal*, но и совершенно точно соответствует его размеру. Обе эти меры содержат в себе по 26,26 литра, точно так же как медимна = полосьмина = 52,52 литра. Русская полосьмина = 2 четверикам. Столь точное совпадение, и филологическое и цифровое, нельзя объяснить какой-либо случайностью.

Непосредственным носителем культуры этого периода было раннее славянское население, оставившее своеобразные погребальные памятники, так называемые поля погребальных урн (I—V вв.). Основной район распространения полей погребальных урн — это Поднепровье, Волынь, Галиция, Западное Побужье. В низовьях Днепра поля погребальных урн встречаются в сочетании с прямоугольными городищами римского времени.

Таким образом, Среднее Поднепровье I—V вв. включает в себе значительную совокупность показателей, говорящих о серьезном распространении здесь римских вещей и о воздействии римских производственных навыков на местное ремесло. Особенно заметно это последнее на керамическом и ювелирном производствах.

Окончательное падение Западной Римской империи, массовое движение славян через Дунай в пределы Восточной Римской империи и в связи с этим последним некоторая передвижка славянских племен, нашествие аваров, против которых возникает крупный союз славянских племен под главенством дулебов, — все эти важнейшие события мирового масштаба отражаются как на судьбах славян вообще, так и, в частности, на его восточно-

европейской ветви. Начинается новый период в истории восточных славян, которые с этого времени называются в источниках антами; период этот подводит нас непосредственно к объяснению блестящей культуры Киевской Руси.

Я имею в виду VI—VIII вв. — период, без перерыва идущий в Киевское время, когда Среднее Поднепровье характеризуется усилением связи с Востоком и развитием местного производства, достигающего высокого уровня.

Археологические работы по раскрытию этого интереснейшего периода в истории культуры до Киевской Руси далеко не закончены. Но и то, что уже сделано, дает нам право на научные выводы.

КУЛЬТУРА ПОДНЕПРОВЬЯ VI—VIII ВВ.

Центром культурных достижений антов является Приднепровье, откуда кругами они расходятся на значительные пространства, несколько бледнея в своей яркости по мере отдаления от центра, но не изменяя основному своему принципу: единство орнаментального рисунка керамических изделий остается в основном неизменным на очень значительной территории от Днепра до Оки и Дона.

Давно начавшиеся связи Поднепровья с Азовско-Поморским миром подготовили историко-культурную общность Чернигова и Тмутаракани.

Еще ярче этот процесс распространения ремесленно-художественного творчества на большой восточнославянской территории прослеживается на ювелирных изделиях. Изготовленные на Днестре, и именно в Поросье, так называемые лучевые фибулы (застежки) расходятся вдоль правого берега Днестра на юг от Киева до Чигирина. Находки этих фибул совпадают территориально с упоминаемыми летописью русскими городами, т. е. не выходят за пределы русских поселений.

То, что перед нами не случайность, а результат общности культуры, показывает совпадение этой же территории с областью распространения других мелких предметов VI—VIII вв.: особого стиля подвесок (в форме трапеции), лунниц, колокольчиков, гладких и прорезных бляшек, спиралей, браслетов и т. п.

Эти предметы нашими археологами (А. А. Спицыным, Б. А. Рыбаковым и др.) считаются характерными именно

для антов и антской культуры. Как раз на этой территории помещались, согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, „бесчисленные племена антов“. Именно тут было зарыто наибольшее количество кладов с византийскими и восточными изделиями из золота и серебра VI—VII вв.

Термин „ант“ известен на одной боспорской надписи в кабардинском и балкарском фольклоре в значении великана, героя, что напрашивается на сопоставление с известием сирийца псевдо-Захария середины VI в. о том, что на запад от Дона в его время жил народ рос (рус), люди столь больших размеров, что лошади не могут носить их вследствие их тяжести. Не безинтересно и сопоставление с другим термином—„пол“, откуда сполы, полы, поляне, название восточнославянского племени, в русском фольклоре ассоциирующееся с понятием богатыря, героя (исполин, польник, поляница¹ удалая). Интересно отметить, что и Прокопий Кесарийский говорит об антах (и славянах) как о людях „очень высокого роста и огромной силы“ (III, 14)—обычное явление, когда название народа, имеющее определенное значение, переводится на различные языки с сохранением своей основной семантики².

Памятники поднепровского художественного ремесла VI—VII вв. многочисленны и интересны. Материалом для изделий служили преимущественно бронза и серебро. Иногда применялась позолота путем растворения золота в ртути, свойства которой заимствованы были Русью от Рима.

В художественном отношении особенно интересны и показательны литые изделия с изображением человека. Голова сделана умелой рукой. Бросается в глаза костюм: рубаха с длинными рукавами, штаны до щиколоток. На груди рубаха имеет широкую вышивку, доходящую до пояса. Вышивка имеется и на рукавах. Такая одежда характерна для всего населения Поднепровья на протяжении многих столетий; живет она и сейчас на Украине

¹ Б. А. Рыбаков, Указанное сочинение. „Отпусти в поле третью сторону... витязей... и иных ведомцев, поляниц». Мамаево побоище. И. И. Срезневский, Материалы для словаря, II, стр. 1153.

² Таких примеров у Геродота имеется несколько: меланхмены-черемисы, скифы-аротеры = паралаты = народ-пахарь и др.

и в Белоруссии. У мужских голов совершенно русский, крестьянский тип лица, окаймленного волосами, подстриженными в скобку. Это — производство полянских-антских-русских мастеров.

Изделия эти, конечно, требовали от мастеров серьезных навыков, опыта, знаний и таланта. Очень важно отметить не только умение мастеров, масштабы производства, но и широкий диапазон заказа. Спрос на эти художественные вещи был немалый. Район их сбыта, определяемый археологическими находками, падает не только на пространство между Днепром и Доном, но и на Крым и бассейн Оки.

Северная часть Восточной Европы, именно территория словен, кривичей, части вятичей, дреговичей и древлян, в своем развитии отставала от антов и лишь постепенно приближалась к уровню культуры Поднепровья. Но и здесь можно наблюдать в VI—VIII вв. выделение кузнечного ремесла в особую специальность, победу пашенного земледелия, переход литейно-ювелирного дела из рук женщин в руки мужчин. Образцами для ювелирного производства здесь служили предметы русского юга.

В это же время завязываются тесные культурные связи антов с Византией и Востоком. Предметы византийского и восточного происхождения (главным образом иранские) появляются на территории антов в VII—VIII вв. Это были прежде всего предметы роскоши, изделия из бронзы, серебра и золота (пряжки, украшения конской сбруи, женские украшения, поясные бляшки, оружие, топоры, кольчуги, шлемы). Местные антские мастера начинают воспроизводить у себя эти образцы.¹

Камские болгары и Хазарский каганат, в состав которого вошло одно из ранних восточнославянских политических объединений — Артания, являются главными посредниками в связях антов-руси со странами Востока. Очень показательным в этом отношении проникновение в Восточную Европу в огромных количествах восточных диргемов VIII и даже VII в., особенно усилившееся после ослабления в VIII в. Византийской империи. Восточные

---

¹ Археологический материал и сделанные на его основе выводы взяты мною у Б. А. Рыбакова, Ремесло древней Руси.

писатели проявляют большой интерес к Восточной Европе, стараются изучить страну, откуда они вывозили высокоценную пушнину, лен, называемый русским шелком, воск и другие предметы, недостающие или полностью отсутствующие на Востоке.

С другой стороны, легенды о богатствах далекого Востока начинают распространяться по всей территории Руси и манят к себе наиболее энергичных ее обитателей. Центром этого движения на Восток делается Киев.

Норманны, появившиеся в пределах Руси довольно поздно (уже в IX в.), были привлечены сюда не только богатством русской земли, но и возможностями через нее общаться с Византией, Ираном, арабами.

Загадка создания русских городов не разрешена и сейчас. Факт наличия большого числа городов в нашей стране, отчего она уже в IX в. носила название страны городов (Гардарик), всегда удивлял исследователей. Одни из них видели в многочисленных древних русских небольших городах места культа, не отрицая сосуществования и более значительных городов—крепостей (Ходаковский), другие признавали в древности наличие значительных городов, лишь позднее запустевших (Самоквасов). Леонтович считал древнерусские города убежищами, куда кочевое население рода собиралось только на случай военной опасности, и лишь значительно позднее, в период существования княжеств (XI в.), города стали населенными пунктами, имеющими политическое значение центра. Можно назвать еще не один десяток имен и мнений по этому предмету.

Вопрос этот крайне запутан. Письменные источники не дают на него прямого ответа, а археология еще не успела собрать достаточного количества материалов. Однако справедливость требует сказать, что археологи правильно поставили свою задачу и идут по надежному пути. Загадка накануне своего разрешения. И не нужно быть пророком, чтобы предусмотреть уже сейчас, к какому основному выводу придет археология.

Возьмем для примера один из недавно раскопанных древних городков, так называемое Сарское городище, предшественник города Ростова (Ярославского). Оно занимает пространство около 10 тыс. кв. метров. Городок был укреплен: валы сохранились и до сих пор. Около го-

Погребение кузнеца
X века
(Подольский уезд,
нынешний блж. Муром,
погребение № 1)

Погребение кузнеца X века.
Собр. Б. А. Рыбакова

БИБЛИОТЕКА
Н. М. 836

родка — древнее кладбище VII—VIII вв. Из раскопок могил выяснилось, что тут погребено много ремесленников. В их могилах найдены: пряслицы, скобели, топоры, пестик для растирания красок, тигли, льячки, литейные формы, слитки серебра и бронзы, медные и железные шлаки, крицы, кузнечные клещи, предметы гончарного производства. Таким образом, в VII—VIII вв. здесь налицо прядильщицы, плотники, кожевники, литейщики, ювелиры, кузнецы, гончары.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что перед нами городок — средоточие ремесленного производства, что предполагает, конечно, заказчиков как в самом городке, так и в его окрестностях. Валы говорят о том, что одновременно это — и укрепление, может быть, *refugium* для окрестного населения.

Другой подобный же пример — Гнездовское городище, старый Смоленск.

Конечно, это не единственный тип древнерусского города. Надо допустить наличие городов-убежищ, по аналогии с теми, о которых так красочно повествует Генрих Латвийский в своей хронике.

Совершенно нормальным и обычным явлением следует считать обрастание многих из этих городков-убежищ ремесленным и торговым населением.

Устройство по военным надобностям городов-крепостей также очень рано отмечено летописью. Известие об изгнании варягов из того политического объединения прибалтийских народов, которое арабские писатели называют Славией, взятое несомненно из Новгородской ранней летописи, говорит: „Всташа словене и кривици и меря и чудь на варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами себе и города ставити“¹. Как это делалось, видно из более позднего сообщения „Повести временных лет“, где под 988 г. сообщается, как перед Владимиром Святославичем возникла проблема о защите Киева. „И рече Володимир: се не добро, еже мало городов около Киева. И нача ставити города по Десне и по Востри,

¹ В „Повести временных лет“ имеется несколько упоминаний о построении городов в дорюриковское время. Так, „словени“ „делаша град Новгород“; Кий, Щек и Хорив „сотвориша град“, Олег „нача города ставити“, а Киев, уже существовавший задолго до него, Олег превращает в столицу государства.

и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча на-
рубати муже лучшие от словен и от кривич, и от чюди,
и от вятч, и от сих насели грады: бе бо рать от печенег
и бе воюяся с ними и одоляя им“.

Б. А. Рыбаков в своих раскопках Гочевского го-
родища (на реке Псле) вскрыл материал, полностью
подтверждавший это сообщение „Повести“. В Гочевском
городище оказалось население X в., собранное из разных
мест.

С появлением частной собственности на землю и
вслед за ней богатых землевладельцев стали вырастать
и „грады“ — „хоромы“, замки¹ знатных мужей, бояр и
князей, существование которых, конечно, без прочной хо-
зяйственной базы немыслимо. Тут кроме основного земле-
дельческого населения неизбежны и ремесленники. Мно-
гие из этих „градов“-замков превратились в настоящие
города.

Наконец, вполне закономерно и превращение общин-
ных поселков, при благоприятных к тому условиях, в
настоящие города.

Я ни в коей мере не ставлю себе задачей разрешение
проблемы о возникновении и характере древних русских
городов. Для этого еще не наступило время. Мне важно
лишь подчеркнуть, что уже в VII—VIII вв. в различных
местах Руси, особенно в Поднепровье и к юго-западу
от него, уже имелись ремесленные и торговые, а в то же
время и военные пункты, говорящие нам о культурном
состоянии Руси в дорюриковскую пору.

Об этом говорят многочисленные факты. Количество
их благодаря успехам археологии растет. Язык их де-
лается все более ясным. В общем их смысле уже сомне-
ваться нельзя.

Прошло много веков в далеко не бесплодных челове-
ческих усилиях улучшить условия своей жизни. Если
мы не обратим самого серьезного внимания на эти более
старые достижения, то окажемся бессильными понять и
высокий уровень культуры последующих веков и Киев-
ской Руси в частности.

---

¹ В „Русской Правде“ „грады“ и „хоромы“ упоминаются альтер-
нативно. Вышгород в «Повести временных лет» называется «гра-
дом» княгини Ольги.

Этот интересный процесс не отражен в русской письменности, потому что на Руси письменности своей тогда еще не было. А более культурные народы, к ней близкие, а иногда и очень далекие в общении с Восточной Европой, не имели особых побуждений углубляться в изучение строя жизни Руси. Для их целей им было вполне достаточно знакомства лишь с теми сторонами деятельности восточноевропейских племен и народов, которые их интересовали непосредственно. Эллыны были прекрасно осведомлены о скифском хлебе, который их кормил. Арабов привлекали великолепные меха европейского севера, и они очень точно изучали пути, ведущие в страну пушного богатства. Византийцы интересовались не только торговыми связями со славянами, но и их помощью против многочисленных врагов, угрожающих слабеющей державе.

Арабы отметили лишь отдельные современные им факты, бросавшиеся в глаза. Византийские историки и политики записали из жизни славян то, что им было необходимо знать в целях самозащиты, лишь в отдельных случаях выходя из этих рамок.

Геродот, например, посетивший эллинскую колонию у Южного Буга, заинтересовался бытом и отчасти историей окружающих Ольвию народов, но, не зная местных языков, он мог узнать при посредстве переводчиков сравнительно немного.

Но даже если учесть все письменные известия о предках славян, о них самих, и в частности о восточных славянах, то этих известий будет недостаточно, чтобы составить себе представление о росте их культуры, о преемственной связи культур различных народов, связанных с культурой русской.

Археологический материал несравненно богаче и последовательнее. Надо только уметь заставить его заговорить языком нам понятным. Надо, конечно, уметь предъявить ему наши ясные требования¹.

На основании археологических данных можно притти к следующим выводам:

---

¹ Более подробно см. в работе Б. А. Рыбакова, „Ремесло древней Руси“, где археологический материал использован как исторический источник.

1. Хотя связь между культурой скифов и восточных славян и не может считаться непосредственной, тем не менее мы игнорировать ее не имеем никаких оснований.

2. С первых веков нашей эры наблюдается воздействие на культуру восточных славян Рима.

3. Начиная с VI в. памятники позволяют говорить более определенно о характере собственной и в достаточной степени определившейся культуры восточного славянства, известного с этого времени под именем антов-руси.

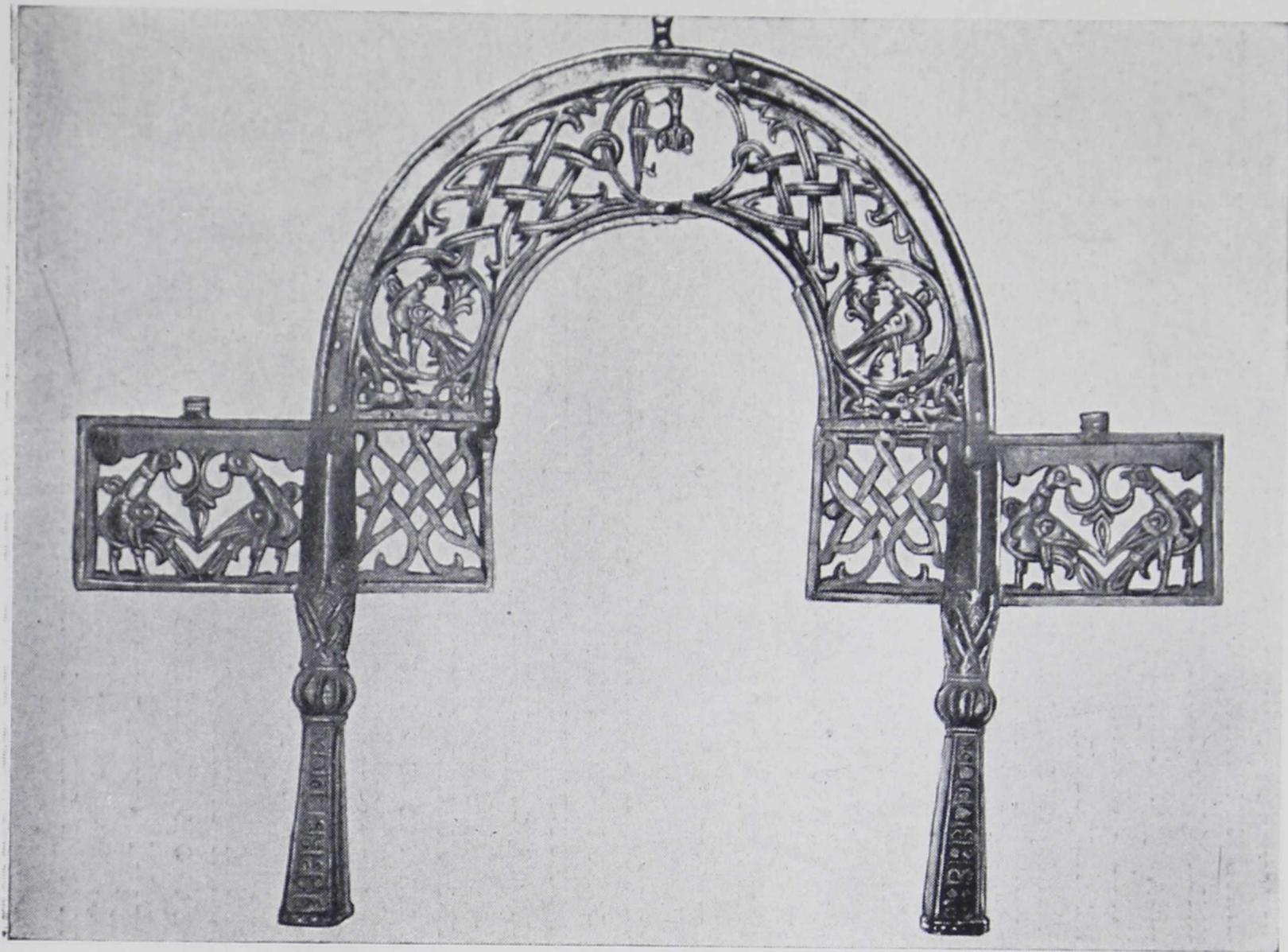
4. В этот же период анты-русь входят в непосредственное общение с Византией и народами Востока и завязывают с ними постоянное общение.

5. В VII—VIII вв. появляются у восточных славян города не только типа укреплений.

Итак, восточные славяне-анты-русь до образования Киевского государства, т. е. до второй половины IX в., имели уже свою значительную историю и успели достигнуть весьма заметных успехов в области материальной культуры.

Мы очень хорошо знаем, что материальная культура — основа общественной жизни. Поэтому, исходя из известных нам фактов в области производства, нам легче расшифровывать и понимать те отрывочные и даже иногда противоречивые, идущие к нам из далекого прошлого известия иноземцев об общественном строе и духовной культуре восточных славян.

Когда, например, крупный византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский говорит, что анты и славяне не управляются одним человеком, а живут в демократии, решают свои дела на народных собраниях, что „у обоих этих... племен вся жизнь и узаконения одинаковы“ (Прок. III, 14), и сообщает при этом некоторые из этих узаконений [например: вернувшийся на родину из плена, куда он был продан в рабство, „согласно закону“ становится свободным (III, 13 в.), анты с соседями заключают „договоры“ и крепко их соблюдают (III, 13)], то мы, привлекая добытые археологами факты, вынуждены признать, что общественный строй антов далеко не примитивен. Перед нами „военная демократия“ не в начальной своей стадии, а в последней,

Бронзовая арка XII века из гор. Визижа. Работа мастера Константина.
Собр. Б. А. Рыбакова

так как сравнительно развитая техника ремесленного производства, средоточие ремесленников в определенных пунктах, т. е. явные признаки намечающихся городов, действительно не замедливших появиться, говорят об условиях, оправдывающих появление значительных политических объединений и крупных вождей, способных вести большие, организованные по-военному человеческие массы на серьезные военно-политические предприятия. Делается понятным, почему так быстро антский народ-войско смог перевооружиться по византийскому образцу, после того как антам пришлось столкнуться с византийским войском на поле брани. Успех антского оружия был подготовлен количеством добываемого металла, выучкой их ремесленников, распространенностью ремесленных навыков и, конечно, способностью антов быстро усваивать технические знания, способностью, удивлявшей иностранных наблюдателей и гораздо позднее.

Перестает вызывать удивление факт, отмеченный в середине X в. Константином Багрянородным, факт проникновения в печенежский язык русского очень показательного термина „закон“ („Когда печенеги дадут царскому чиновнику клятвы по своим законам“ *κατὰ τὰ ζάκωνα αὐτῶν*). Именно от Руси взяли печенеги это недостававшее им слово, подобно тому как в венгерский язык проникли термин „воевода“ и все термины, относящиеся к земледелию (скотоводческие термины у них свои).

Это ясно говорит о сравнительно высоко развитых общественных отношениях Руси, конечно, и до X вв., о земледельческом народе, распространившем земледельческую культуру среди соседних народов, кочевых и полукочевых.

При этих условиях делается логически неизбежным и образование первых известных нам политических объединений — союз дулебов в Прикарпатье (конец VI в.), Славия, Куявия и Артания, более ранние, чем держава Рюриковичей, политические образования, упоминаемые арабскими писателями, что в совокупности разъясняет нам и вопрос об образовании Русского государства и загадку высокой культуры Киевской Руси.

Не только Шлецер в XVIII в. останавливался в недоумении перед проблемой культуры древней Руси, но

и значительно более ранние наблюдатели жизни славян. Не кто иной, как знаменитый Тацит, знаток истории Рима и народов, с ним так или иначе соприкасавшихся, сначала было заколебался, куда ему отнести славян (венедов) — к более отсталым сарматам или к народам, достигшим уже некоторого заметного культурного уровня. Но это был только момент. Когда он ближе присмотрелся к славянам, то перестал колебаться и отнес их к европейским оседлым народам. „Они,— говорит Тацит,— и дома строят, и щиты носят, и сражаются пешими¹ („...et domos fingunt et scuta gestant et pedum usu ac pernecitate gaudent“). Все это совершенно отлично от сарматов, живущих в кибитке и на лошади“².

---

¹ Так переводит, как мне кажется, правильно, выражение „pedum usu ac pernecitate gaudent“ С. М. Соловьев („История России“, I, стр. 44).

² Tacitus, Germania, cap. XLVI.

III

ЭВОЛЮЦИЯ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ЯЗЫЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ

Гораздо труднее проникнуть в сердце и мозг славянина столь далекой от нас поры. В этой области мы располагаем значительно более скромным по количеству и убедительности материалом.

Конечно, погребальные обычаи, например, вскрытые археологами, говорят о многом; есть отдельные заметки византийцев о духовной культуре славян, наконец, в нашем распоряжении пережитки, как проникшие в более позднюю русскую письменность, так и оставшиеся бытовать в сказках, песнях, былинах, обычаях.

Прокопий Кесарийский много интересного рассказывает о религиозных представлениях антов. „Они считают,— пишет он,— что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещания, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценою этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания“.

Трудно согласиться с уверенностью Прокопия, что он „достаточно“ сказал о религии и быте антов и славян („Считаю достаточным сказанное об этом народе“). Ска-

зано тут немного и, повидимому, не совсем точно. Однако достойно внимания, что христианин Прокопий, не могший, конечно, сочувственно отнестись к языческой религии, в данном случае ее и не осмеял и не хулил.

У антов один бог — владыка над всем — и какие-то почитаемые ими „демоны“. Бог христиан, конечно, не похож на бога-громовержца, творца молний, несомненно Перуна, почитаемого всеми славянскими народами в дохристианское время. Демоны тоже совершенно не похожи на христианского дьявола. Это не злые духи, а второстепенные божества, которых славянин чтил, приносил им жертвы, и по жертвам гадал, т. е. пытался узнать будущее.

Это уже достаточно развитая религия. В „Слове о том, како, первое погани суще, языци кланялись идолам“, есть указание и на более ранний этап славянской религии: „и ти (славяне.— Б. Г.) начаша требы класти Роду и Рожаницам преже Перуна, бога их; а преже того клали требу упирем и берегиням“, т. е. сначала мы имели тотемическое почитание упырей и берегинь, затем бога Рода и Рожаниц, и уже позднее появляется Перун.

Требовать от византийского историка полноты изображения религиозных представлений антов, конечно, мы не можем. Едва ли даже Прокопий и знал их. Он сообщил, однако, нам самое существенное, указав на единого, главного бога, владыку всего — Перуна. Тут Прокопий едва ли ошибся. От антов и славян, с которыми несомненно встречался он лично, так как они попадали даже на высокие должности императорской службы в Константинополе, он знал, что это именно так. Ему было также известно, что кроме этого верховного бога у славян есть и второстепенные боги, некоторые из коих на наших уже глазах повышаются в рангах и становятся рядом с Перуном.

Три века спустя мы видим значительные изменения в религиозных представлениях антов-руси. Русские люди на договорах с греками в самом начале X в. клянутся именами двух богов — Перуна и Волоса. Олег и его мужи присягали „по Русскому закону: кляшася оружием своим и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом“ (договор 907 г.). Тут следует обратить

Фреска св. Софии Киевской. Ряженые. Сцена поединка.
Собр. И. Э. Грабаря

внимание на два момента: Перун стал своим богом для Олега и его носящих оружие мужей. Это их бог по преимуществу. Они же или, может быть, какая-то часть их клянутся и другим богом, которого Прокопий не упомянул и которого ни Олег, ни его мужи своим не называли, а говорили о нем, как о скотьем боге, т. е. о боге скота, успевшем стать и богом денег, богатства, торговли и купцов, поскольку и термин „скот“ успел изменить свое первоначальное значение. Это подтверждается и сообщениями „Повести“.

Когда Владимир Святославич сделал попытку использовать религию для укрепления единства своего государства, он сделал это широко и обдуманно: „своего“ княжеского и дружинного бога он решил сделать общим для масс, вынес его из своего „терема“. „И постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса-Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь“. Одновременно Владимир послал Добрыню в Новгород с аналогичным поручением. „И пришед Добрыня Ноугороду, постави кумира над рекою Волховым, и жряху ему людье Ноугородьстии...“

В этом новом святилище очень много заслуживающего самого внимательного к себе отношения.

Во-первых, тут нет Волоса, конечно потому, что ему и не надлежало тут быть. Он стоял в другом месте, на рынке, на Подоле, у самого берега речки Почайны. Авраамий Ростовский встретил изображение этого бога и в Ростовском крае. Волос, повидимому, фигурирует и у Ибн-Фадлана в изображении русских купцов, молящихся идолу о послании к ним хорошего купца с серебряными и золотыми деньгами. Присяга русской делегаций двум богам: одному — княжескому, дружинному, военному, другому — купеческому, вполне понятна, так как и делегаты состояли из этих двух категорий: княжеских мужей и купцов.

Во-вторых, в числе владимировых богов, поставленных на видном месте для общенародного почитания, находятся не только русские боги: между Перуном и Дажьбогом, богом солнца, стоял Хорс, тоже бог солнца народов Востока Средней Азии, откуда пошло название Хорезма, Хорасана и др. Поставлен тут был и Симург —

божество, упоминающееся в эпосе народов Средней Азии. Тут же находилась и Мокошь — богиня финских племен (отсюда — Мокша).

Глава Киевского государства, в состав которого входили как народы Востока, так и народы финского языка, несомненно сделал серьезный политический шаг.

Это не была надуманная мера, волевым порыв смелого политика. Слияние разнородных богов в едином пантеоне подготовлено было исподволь длительным и тесным содружеством народов. Когда христианство было объявлено государственной общеобязательной религией, русские и не-русские люди еще долго продолжали признавать всех тех богов, которых Владимир утвердил в Киеве на холме и позаботился об их утверждении в других местах своего обширного государства. Автор „Слова о том, како, первое погани суще, языци кланялись идолам“ уже в XI в. вынужден был констатировать факт: „...и ныне по украинам молятся ему, проклятому Перуну и Хорсу, и Мокоши и вилам („Вилу“ в другом варианте) на Руси. И то творят отай“.

Даже по скудным данным наших источников мы не можем не заметить эволюции славяно-русской языческой религии.

Первый известный нам период — это поклонение упырям и берегиням, потом Роду и Рожаницам, т. е. предкам. Затем идет распространение культа Перуна, причем с появлением и укреплением господствующих классов Перун присваивается этим классом себе и превращается в бога княжеского и дружинного. Бог скота Волос по мере усиления роли скота, как средства обмена, как меновой денежной единицы, превращен в бога богатства и торговли. И, наконец, в момент расцвета Киевского государства, в связи с потребностью внутреннего объединения страны, создается общий для всей страны пантеон, где княжеский бог становится богом общегосударственным.

Тут же и боги главнейших народов, вошедших в состав Киевского государства, получают права гражданства.

К большому ущербу для науки усердие в истреблении язычества после принятия христианства лишило нас возможности глубже изучать языческие верования

наших предков, особенно интересные тем, что это продукт собственного творчества народов Киевского государства, и прежде всего народа русского.

Очень рано к восточным славянам стали проникать не только языческие религии иранских или финских народов, но и религии более высоко развитые, каковы еврейская, магометанская, римско-католическая, византийско-православная. Со всеми этими религиями Русь была знакома благодаря постоянному общению с казарами, арабами, народами Средней Азии, Западной Европы и Византии.

ХРИСТИАНСТВО НА РУСИ. ЗАЩИТА РУСЬЮ СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Принятие христианства именно от Византии было подготовлено всей предшествовавшей историей восточного славянства и Руси. Сведения о проповеди христианства в Поднепровье восходят к первым векам нашей эры и в преданиях связываются с именем апостола Андрея. Сведения эти из какого-то источника попали и в „Повесть временных лет“ („Ондрею учащу в Синопии и пришедшему в Корсунь... и пройде в устье Днепрское и оттоле поиде по Днепру горе (вверх.— Б. Г.)...“). Апостол Андрей якобы поставил крест на месте будущего Киева и предсказал, что тут возникнет „град велик, и церкви многи бог воздвигнути имать“.

Это известие находит себе отголосок у церковных писателей IV—V вв. У Евсевия Кесарийского (ум. 340) записано, что ученики Иисуса Христа рассеялись для проповеди Евангелия, и что Скифия (так называли византийцы по традиции нашу страну еще в X в.) досталась Андрею. У Евхерия Лионского (ум. 449) тоже говорится о том, что „Андрей смягчил проповедью скифов“. У Епифания Кипрского (IV в.) тоже есть указание на то, что Андрей был у скифов. Академик В. Г. Васильевский, у кого я и беру эти ценные наблюдения, приводит еще много фактов, подтверждающих это положение. Прекрасная специальная работа В. Г. Васильевского оправдывает внесение в нашу летопись этого интереснейшего предания.

Не касаясь вопроса о том, какой народ или какие народы жили в I веке в „Скифии“, мы имеем все основания считать, что проповедь христианства была занесена сюда рано, хотя христианство и не стало еще тут господствующей религией.

Греки, несомненно, стремились распространять христианство среди своих соседей, и у нас есть основание думать, что на тиверцев, уличей и полян раньше, чем на другие восточнославянские племена, было обращено внимание греческих проповедников. Территория, несколько позже занятая уличами и тиверцами, при императоре Траяне (101—107 гг. н. э.) попала под власть Римской империи (не удивительно, что память о Траяне сохранилась навсегда в преданиях славянских и русских: Русская земля в „Слове о полку Игореве“ даже называется „Землей Трояней“) и вошла в состав задунайской Нижней Мизии, где христианство известно было уже во II в. н. э. В III в. после ухода отсюда римлян тиверцы и уличи продолжали находиться в непосредственном общении с Нижней Мизией, известной под именем „Малой Скифии“. Тут в городе Томи уже существовала при Диоклетиане (284—305 гг. н. э.) епископская кафедра. При устье Днестра находилась греческая христианская колония Тира и другие греческие колонии. Константин Багрянородный сообщает, что в его время на Нижнем Днепре видны были развалины шести городов, в которых сохранились остатки разрушенных церквей и высеченные на камнях кресты.

Автор „Повести временных лет“ счел нужным отметить наличие городов у тиверцев и уличей и в его время („Суть гради их и до сего дне“).

При императоре Юстиниане (527—565) уличи и тиверцы находятся в постоянном общении с Византией, то служа в византийских войсках, то совместно с другими славянами нападая на империю. Поляне хотя и не были непосредственными соседями греков, но находились в самом тесном с ними общении. Весь юг нашей страны до Дона греки называли Скифией, римляне — Сарматией, и церковные писатели III—V вв. Тертуллиан (ум. 240), Афанасий Александрийский (ум. 373), Иоанн Златоуст (ум. 405), Иероним (ум. 420) считают Скифию, или Сарматию,

в числе стран, где христианство было уже водворено: „Холода Скифии пылают жаром веры“ (Иероним).

Конечно, нельзя на основании этих данных делать заключение о степени проникновения христианства в Скифию и в среду славянских народов и руси, но признание факта знакомства этих народов с государственной религией империи и до некоторой степени с кругом христианских идей не подлежит сомнению.

Никаких сомнений не вызывает у нас и сообщение константинопольского патриарха Фотия¹ о том, что русь² „переменила эллинское нечестивое языческое учение... на чистую и неподдельную христианскую веру“. Стало быть, христианство делало на Руси несомненные успехи и до официального признания его здесь господствующей государственной религией.

Само собой разумеется, что христианство было неизбежно связано с книжностью. Богослужение отправлялось на языке греческом, но можно предполагать частичное проникновение сюда языка славянского, а после завершения дела братьев Кирилла и Мефодия богослужение ведется уже полностью на языке славянском, следовательно по книгам славянским. Столь сильно смущающее исследователей сообщение жития Кирилла о том, что Кирилл в Корсуни встретился с одним „русским“ и видел Евангелие и Псалтырь, писанные „русскими письмены“, мне кажется, можно понимать буквально. Это был настоящий русский человек, и книги могли быть писаны на языке русском. Мы только не имеем никаких данных о том, какими буквами были написаны эти книги. Во всяком случае потребность в письменности на Руси появилась уже давно, и целый ряд хотя и не совсем ясных известий говорит нам о том, что письменами русские люди пользовались и до признания христианства государственной религией.

Договоры Руси с греками, составленные на греческом языке, тогда же были переведены и записаны по-русски. В договоре Олега с греками говорится о письмен-

---

¹ Фотий был патриархом дважды: в 858—867 и в 878—886 гг. Его замечание о руси написано в 866 г. В это время Кирилл (827—869) уже завершил свое дело создания славянской грамоты.

² Никита Пафлагонянин (IX в.), говоря о нашествии руси на Царьград в IX в., называет русь „скифским народом“.

ных завещаниях, которые делались русскими людьми. Договор Игоря упоминает о грамотах, которыми русский князь должен был снабжать свои, посылаемые в Грецию корабли. Ибн-Фадлан видел надпись над прахом знатного руса. Ибн-аль-Кэдим видел русскую надпись на куске дерева. Наконец, черноризец Храбр, говоря о славянах вообще, делает общее недатированное замечание: „Преже убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтяху и гадаху, погани суще“. Это замечание о дохристианском состоянии письменности у славян может быть отнесено во всяком случае к VIII в., потому что славяне западные и южные в IX в. уже официально считались христианами.

Славяне первоначально пользовались латинскими и греческими буквами. „Римскими и греческими письмены нуждахуся писати словеньску речь без устроения“. „...И тако беша многа лета“, прибавляет Храбр. Тут же он указывает, в чем заключается это „неустройство“: „како может он словеньски писати добре греческими письмены: бог, или живот, или церковь, или чаяние, или широта...“ Действительно в греческом и латинском алфавитах нехватает многих знаков для обозначения славянских звуков, отсутствующих в греческом и латинском языках. Кирилл и Мефодий устранили этот явный недочет. Кирилл „сотвори письмена тридесят и осмь, ова убо по чину греческих письмен, ова же словеньстей речи“.

Стало быть, Кирилл не письменность ввел, а только создал славянскую азбуку. Письменность была и до него. Христианство, давно известное среди славян, и в частности восточных, стало лишь одним из факторов, усиливающих потребность в письменности и несомненно ускорившим усовершенствование своего собственного алфавита.

Русь и для Рима и для Константинополя всегда представлялась достаточно заманчивой добычей. Когда Владимир, овладевший Корсунью, вел переговоры с греками об иерархическом устройстве русской церкви, папа прислал в Корсунь и своих послов с целью отклонить Владимира от церковного союза с греками и привлечь Русь на свою сторону. Хотя это посольство успеха и не имело, но Рим не считал своего дела окончательно потерянным и сделал в княжение Владимира еще две попытки в том

же направлении. К Владимиру были направлены из Рима посольства в 991 и в 1000 гг.

Папское посольство 991 г. сопровождали послы от королей польского и чешского, второе — 1000 г. — послы от королей чешского и венгерского. Если вспомнить замечание „Повести временных лет“ о том, что Владимир жил „с князи окольними миром, с Болеславом Лядьским и с Стефаном Угорьским и с Андрихом чешьским и бе мир межю ими и любы“ (Лавр. лет. под 996), то нам будет понятно это дружное участие западных соседей Руси в попытке привлечения ее на свою сторону. В ответ на оба посольства Владимир посылал в Рим своих послов в 994 и в 1001 гг.

Посольство 1000 г. в Киев посылал папа Сильвестр II, знаменитый ученый своего времени, учитель императора Оттона III, родного племянника жены Владимира Анны (его мать была родной сестрой Анны). Стало быть, связи Руси с западными странами и Византией были весьма оживленными и дружественными, у папы и западных католических государей могло быть много надежд на Владимира, но Русь вела свою собственную политику и предпочитала оставаться верной своему союзу с греками. Первый русский митрополит грек Леон, при котором происходил приезд папских послов на Русь, даже написал обличительное сочинение против латинян как бы в оправдание поведения Владимира.

Не так далек от конкретности рассказ об испытании вер, помещенный в „Повести временных лет“. Многочисленные посольства из разных стран, между прочим и по вопросам веры, более чем вероятны.

Итак, Русь твердо держалась византийской ориентации. Проиграла ли она от этого? Для русской историографии это вопрос не новый, один из так называемых „вечных“ вопросов. Оставляю в стороне все суждения по этому предмету и подчеркиваю только одну сторону дела. Византийская церковь была несомненно терпимее римской; в противоположность последней она допускала существование национальных церквей, давала возможность их самостоятельной жизни. И это обстоятельство не замедлило сказаться в истории культуры тех стран, которые избежали нивелирующей руки Ватикана.

Интересно, что те самые чехо-моравы, король ко-

торых хлопотал перед Владимиром об объединении Руси с Римом за сто с лишним лет перед этим, пребывая в лоне католической церкви, сами обращались в Византию с просьбой перевести греческие богослужebные книги на славянский язык, т. е. ставили практически перед собой очень серьезный вопрос о создании своей национальной церкви.

Мнение крупнейшего знатока истории русской церкви Голубинского о том, что в этом деле инициатива принадлежала Кириллу, против желания греков и при полной инертности моравов, представляется мне совершенно неубедительным. Без желания самих моравов и содействия Византии как можно было осуществить посылку крупнейшего греческого ученого, знающего славянский язык, в Моравию с очень серьезной целью? Мы знаем, что деятельность Кирилла в Моравии прозвучала призывным лозунгом и для других славян, и хронологически прежде всего для славянского князя Коцела Блатенского.

Как бы то ни было, христианство, заимствованное от греков и в то же время не отмежеванное полностью от Запада, оказалось в конечном счете ни византийским, ни римским, а русским. И это обрусение христианского вероучения и церкви началось очень рано и шло в двух направлениях. Борьба за свою национальную церковную организацию велась в верхах русского общества; в ней принимали участие князья, окружавшая их знать, высшее духовенство и отдельные церковные учреждения. Борьба за свою народную веру шла в народных массах, принимая здесь то форму активных выступлений под главенством волхвов за старую веру, то форму сохранения в своем быту старых верований, вопреки всяким проповедям и воздействиям власти. Обе струи в конечном счете приводили к одному результату.

В последние годы XI в., т. е. сто лет спустя после признания византийского христианства государственной религией на Руси, здесь вводился, например, русскими церковными и светскими властями праздник перенесения мощей Николая-чудотворца, праздник, не принятый ни в Византии, ни в римско-католической церкви, а признанный папой только как местный праздник в Бари. Русская церковь проявила тут свое собственное отноше-

ние к Николаю-чудотворцу, давно уже весьма популярному на Руси.

Очень рано также политические и церковные деятели начали осуществлять целую программу канонизации своих русских святых, и характерно то, что первые русские святые были возвеличены, как совершенно справедливо утверждает Голубинский, „по причинам политическим, не имеющим отношения к вере“, даже вопреки желанию официального главы русской церкви митрополита Георгия, грека по национальности.

Власть, как и народ русский, явно стремилась сделать свою церковь национальной. Это сказалось и на том положении, в каком очутились первые митрополиты, присланные на Русь из Византии. Они встретились здесь с явной тенденцией к самобытности.

Мы точно не знаем, на каких условиях выехало в русскую землю греческое духовенство при Владимире, но имеем возможность убедиться, что уже Владимир и Ярослав приняли меры к созданию достаточного контингента образованных, в греческом понимании этого термина, людей, которые могли бы избавить его от необходимости обращаться всякий раз в Византию. Эти меры имели большой успех, и сын Владимира Ярослав уже мог сделать попытку заменить митрополита грека своим русским кандидатом.

Под 1051 г. в Лаврентьевской летописи имеется краткая запись: „Постави Ярослав Лариона митрополитом русина в святой Софии, собрав епископы...“ В Ипатьевской вместо „русина“ написано „Руси“, но смысл записи, конечно, в обеих летописях один и тот же. Ярослав по своей инициативе собрал епископов и предложил им своего русского кандидата в митрополиты. Епископы, среди которых несомненно были и греки, кандидатуру поддержали.

Кандидатом этим был образованнейший и талантливейший русский человек, священник княжеского подгородного села Берестова, Илларион. После смерти Ярослава его сменил снова грек Ефрем, повидимому, вызвавший протест среди русских епископов, выразителем которого явился новгородский епископ из русских Лука Жидята, произносивший какие-то „неподобные речи“, за что и был по доносу своего слуги осужден Ефремом.

Вторая попытка посадить на митрополичью кафедру русского человека относится к очень беспокойному и политически острому моменту борьбы Мономаховичей с Ольговичами, осложняемой столкновениями и внутри этих княжеских ветвей. В 1147 г. великий князь Изяслав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, „постави митрополитом Клима, калугера русина, особь с шестью епископы“ (Лавр. лет.). В Ипатьевской летописи есть подробности: „...постави Изяслав митрополитом Клима Смолятича, вывед из Заруба, бе бо черноризец скимник, и бысть книжник и философ так, якоже в Русской земли не бяшетъ“. Опять инициатива исходит от князя. Его энергично поддерживает черниговский епископ Онуфрий, повидимому председатель собрания. Сочувственно к кандидату отнеслись и другие епископы, кроме смоленского Мануила (грека) и новгородского Нифонта. Последний, правда, был недоволен не кандидатом, а тем, что кандидат не был утвержден греческим патриархом (патриарх на этот акт не соглашался). Онуфрий Черниговский, очевидно при поддержке князя, находил возможным обойтись и без патриаршего благословения, ссылаясь на наличие в Киеве мощей св. Климента, что, по его мнению, было вполне достаточно, чтобы нового митрополита сделать полноправным: ведь и сами греки в таких случаях тоже обращались к мощам. Большинство епископов с этим доводом согласилось, „и тако сгадавшее..., главою св. Климента поставиша митрополитом“ (Ипат. лет.).

Но этим дело не закончилось. Время было бурное. События быстро менялись, вызывая непосредственный отклик в Западной Европе и Византии. Заняв на короткое время Киев, враг Изяслава, его дядя Юрий Долгорукий, изгнал Климента. В продолжение 1150 г. Изяслав дважды сгонял с престола Юрия, и столько же раз возвращался с ним в Киев митрополит Климент и оставался на своем месте до самой смерти Изяслава (13 ноября 1154 г.).

Юрий получил из Константинополя нового митрополита — грека Константина, который начал свою деятельность в Киеве с того, что предал проклятию князя Изяслава, тогда уже покойного, и все русское духовенство, поставленное Климом.

Через год после этого умер Юрий. Киевским столом овладели сыновья преданного проклятию Изяслава, и

митрополиту Константину пришлось спасаться бегством. Снова послали-было за Климом, но появились препятствия к его возвращению. Борьба приняла очень острую форму, и киевский князь вынужден был пойти на компромисс: он принял вместо Клина греческого кандидата по настоянию византийского императора, но, по словам Татищева, который не мог выдумать этот факт, хотя, быть может, и пересказал его несколько тенденциозно, твердо заявил, что впредь ежели патриарх без ведома и определения его, киевского князя, на Русь поставит митрополита, то он, киевский князь, грозит присланного кандидата не принять и вообще радикально изменить отношения русской церкви к константинопольскому патриарху.

Гут мы видим несомненные попытки обрусить церковную власть, освободив ее от политической зависимости от Византии.

Другая, значительно более мощная струя в том же направлении шла из народа, хотя и принявшего из Византии новую веру, но не могшего забыть и своей старой, давно успевшей войти глубоко в его быт. Новая вера не могла вытеснить полностью того, что было частью самого народа. Быт не заимствуется, а слагается, и мы можем совершенно четко видеть, как он „слагался“ на новом своем этапе, как он претворял в себе новую стихию.

В „Слове о том, како, первое погани суще, языци кланялись идолам“, есть очень характерное место, навеянное подлинной русской жизнью XI в. Тут говорится о славянах, конечно о русских прежде всего: „По святом же крещении Перуна отринуша, а по Христа бога яшася, но и ноне по украинам молятся ему, проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творят отай. Сего не могут ся лишити проклятого ставленья вторые трапезы, нареченные Роду и Рожаницам...“, т. е. рядом с христианской верой, не достаточно еще в массах крепкой и в таких даже городах, как Новгород, а тем более в глуши („по украинам“), долго был жив культ старых богов. Язычество, веками создаваемое самим народом и дорогое народным массам, поскольку в нем, как в религии, выросшей в бесклассовом обществе, не освящались элементы классового угне-

тения, как в религиях более поздних, конечно, и не могло исчезнуть вдруг. Человеку хотелось знать будущее, человек в борьбе с природой искал помощи, веруя в возможность воздействовать на природу таинственным способом. Отсюда вера в гадания, приметы, волшебства, с которыми безуспешно боролись проповедники христианства.

Человек привык присматриваться и прислушиваться: „храмина трещит, ухозвон, воронограй, куроклик, окомиг, огонь бучит, пес воет, мыший писк, мышь торты грызет, жаба кычет, кошка мявкает, сон страшит, чернца сретит, свинью сретит, огонь пищит“ и пр.—таков бесконечный список, упоминаемый в так называемых „книгах ложных“ (апокрифах), языческих гаданий о будущем по приметам. Волхвы и кудесники владеют тайной узнавать будущее, влиять на судьбу человека. Русский человек не мог отказаться вдруг от своих убеждений, даже если бы действительно христианские идеи достигли до самых народных глубин. Но ведь как раз этого и не было: христианизация медленно шла из городов по деревням и весям и, проникая в толщу народных масс, сливалась с старым привычным образом мыслей и чувств. Под пером старых и новых русских книжников это были две веры, живущие рядом, „двоеверие“, но в подлинной жизни этого не было и быть не могло: это была одна синкретическая вера, явившаяся результатом претворения христианства в русской народной среде, иначе — его обрусение.

Совершенно недвусмысленно об этом говорят русские праздники. Языческие годовые праздники тесно сплетались с христианскими. Праздник нового года, весны, носил римское имя *Calendae* — Коляда и совпадал с христианским Рождеством Христовым. Обрядовая сторона празднования осталась чисто языческой: в рождественский сочельник у болгар, сербов, украинцев, белоруссов и во многих местах Великороссии устраивалась до самого недавнего времени обрядовая трапеза, символизирующая моление о плодородии и благополучии наступающего года. Святочные гадания сопровождали этот период от Рождества до Крещения.

Масленица, христианской церковью совсем не узаконенная, продолжала жить самочинно. Праздник лета связан с праздником Ивана Купала. Чисто христианский

праздник Пасхи был соединен с праздником Солнца и Перуна. В некоторых местах России „святая неделя“ называется „гремяцкой неделей“: существует примета, что гром на „святой неделе“ к урожаю. Место Перуна-громовержца занял пророк Илия. В Греции он же вытеснил Зевса. Самочинно продолжают жить и праздник Ярилы („всехсвятское заговение“), с которым боролся еще Стоглав, и праздник Лады („Фомино воскресенье“). В честь Лады праздновалась и пятница — обычай, долго сохранившийся на Украине, где недельным праздником было еще в XVI в. не воскресенье, а именно пятница, откуда и почитание в русском народе св. Параскевы Пятницы.

Полностью вошли в обрусевшие христианские представления так называемые „черные боги“, соответствующие языческим богам зла, причинявшим людям несчастья. Колдуны и ведьмы, эти орудия черных богов, остались в народном обиходе несмотря на борьбу с ними.

Обрядовая сторона язычества окаменела в многочисленных бытовых пережитках.

Нигде так ярко не отразились верования русских людей, не только одних „низов“, но и „верхов“, теоретически хорошо знакомых с христианской догматикой, как в „Слове о полку Игореве“. Автор его — несомненно христианин по своему мировоззрению: прославляя князей и дружину, „поборающих за христиан на поганые полки“, он противопоставляет христиан „поганым“ и направляет своего героя после избавления от плена „к святой Богородице Пирогощей“. Но в то же время он проникнут старыми русскими традициями: русский народ он называет внуками Дажьбога, Бояна — внуком Велеса, ветры — внуками Стрибога. На политические события у него своя, не церковная точка зрения: он чужд понятия греха и в несчастиях Руси видит не божие наказание, а следствие княжеских усобиц.

Христианство было своеобразно усвоено русскими, как и все, что так или иначе попадало извне к русскому народу. Способность русского народа творить свою собственную культуру и претворять взятое у других народов обнаруживается на примере судьбы христианской религии на Руси не менее ярко, чем в вопросе ославянения варягов и многих других народов.

Эта способность русского народа к восприятию и пе-

реработке воспринятого ясно сказалась и в области искусства.

Едва ли в какой-либо другой стране средневекового мира можно встретить так много перекрестных культурных влияний, как на Руси. Византия, народы Востока и Кавказа, Западная Европа и Скандинавия кольцом окружали Русь. Персидские ткани, арабское серебро, китайские материи, сирийские изделия, египетская посуда, византийская парча, франкские мечи и т. д. шли на Русь и, конечно, служили не только предметами потребления богатых классов русского общества, но и образцами для художественного творчества русских мастеров.

Все эти элементы были претворены художественным гением Руси и вошли в русло оригинального русского искусства. Этот несомненный факт имеет свое объяснение в исконности и прочности собственных традиций русского народа.

Языческие идолы, капища, требища, княжеские дворцы, большие и красивые дома, городские стены и башни — созидались по определенно выработанной системе, определенными техническими приемами и в определенном стиле.

Стиль каменных зданий, появившихся позднее, генетически связан с старым докаменным канонем. До христианскому быту известна была и какая-то живопись. Образец языческой скульптуры сохранился в одной из пещер на берегу реки Буж, впадающей в Днестр. На стене пещеры находится большой и сложный рельеф, изображающий мужчину, молящегося коленапреклоненно перед священным деревом и петухом, сидящим на дереве. Сбоку от него изображен олень, возможно — приносимая человеком жертва. Вверху, в особом обрамлении, неразобранная надпись. Вся композиция имеет явные черты античности. В позднейших источниках сохранились сведения и о живописи языческой поры: язычники... „молятся пище в человеческ образ тварь“.

Когда, в связи с признанием христианства государственной религией, в Киев прибыли греческие инженеры и художники, им пришлось считаться и сообразоваться со вкусами князя и русской знати, имевших свое мне-

ние о том, какими должны были быть дорого стоящие столичные сооружения.

Ни в Византии ни на Западе нельзя было встретить храма с 13 куполами. Это — чисто русское явление, наследие деревянного зодчества, перенесенное на каменную постройку. Первая София в Новгороде была дубовая, 13-купольная. Киевская София, уже каменная, имела те же 13 куполов. Десятинная, тоже каменная, имела 25 куполов. Эта старая традиция жила в деревянном зодчестве очень долго и, между прочим, дошла до нас в деревянной 23-главой церкви Кижского погоста. На примере черниговского Спаса можно видеть, как элементы Востока и Запада вылились в своеобразную русскую форму.

В живописи мы можем проследить то же самое явление. Где бы ни учились русские художники, они перенимали только технику, интересовались стилем, но пользовались чужими образцами и приобретенными навыками оригинально. В книге избранных сочинений философского содержания, сделанной для одного из сыновей Ярослава, князя Святослава, в 1073 г. сохранилось изображение Святослава и его семьи, сделанное по типу византийских семейных групп владельцев или заказчиков книг, но все члены княжеской семьи изображены здесь в русских костюмах. Греческий художник, изображая портреты Ярослава и его семьи в киевской Софии, конечно, вынужден был считаться с русскими национальными особенностями княжеского быта.

Наряду с изображением княжеской семьи в „Изборнике“ и на стенах Софии интересно отметить изображение княгини Ольги перед византийским императором на одной из фресок лестницы киевской Софии¹.

Киевские иконописцы уже в XI в. разнесли свое высокое искусство по всей Руси — в Холм Галицкий, в Ростов, Суздаль, Владимир.

Художники Киевской Руси создают типы русских святых — Бориса, Глеба, Антония, Феодосия, Владимира, Ольги. Первоначальные их изображения, упоминаемые в литературных источниках, до нас не дошли. Сохранились, однако, близкие к ним повторения XII—XIII вв.,

¹ Д. В. Айналов, Киев — Царьград — Херсонес. Изв. Тавр. уч. архивн. комиссии, № 57, Симферополь, 1920, стр. 202.

Антоний. Деталь иконы Богоматери Печерской.
Киев. XIII век.

представляющие русскую переработку византийской иконографии и стиля. Таковы фресковые изображения князей Бориса и Глеба в крещальне киевской Софии, Бориса — в Успенском соборе Старой Ладого, Ольги и Владимира — в наружной фреске Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде, Антония и Феодосия — на иконе Печерской богородицы XIII в. и т. д. Эти же художники уже в XII в. создают оригинальные художественные композиции на темы, не известные в Византии. Таково изображение праздника „Покрова“, дошедшее до нас в памятниках XIII в. на одном из клейм Суздальских врат и в суздальской иконе XIII в. „Покров“¹.

Очень показательное отношение русских живописцев к образу Николая-чудотворца. Этот чистокровный грек под кистью русских мастеров превратился в типичного русского старичка, решительно лишенного всех своих собственных национальных признаков.

Во всех произведениях архитекторов, живописцев, книжных миниатюристов мы можем встретить черты — византийские, сасанидские, армянские, романские, но все они претворены в особую русскую систему архитектуры и живописи.

То же необходимо сказать и о языке. Мы можем утверждать, что анты говорили на языке русском, но на какой степени развития находился тогда русский язык, мы, к сожалению, лишены возможности определить, так как до нас этот язык не дошел.

Мы застаем древнейший русский язык в „Русской Правде“. В это время язык уже приобрел известное богатство изобразительных средств. Это подлинный язык народных масс, простой и ясный, но в то же время уже выработавший в себе твердые этимологические и синтаксические формы.

Этому языку не страшны были никакие „влияния“. Он мог только обогащаться новыми словами или оборотами, нисколько не теряя своего национального облика.

Подлинные болгарские книги или переводы, насыщенные болгаризмами, находили отражение в русском

---

¹ За эти сообщения приношу свою благодарность В. И. Антоновой.

книжном языке. Много болгаризмов вошло в состав языка образованных людей, отчасти и в народный язык, но не изменили его русской сущности.

Язык величайшего русского произведения нашей древности „Слова о полку Игореве“ корнями своими уходит в народную устную поэзию, откуда автор черпает и свои удивительные образы, эпитеты, сравнения и метафоры.

Для истории русской культуры важно подчеркнуть еще одно обстоятельство. Русский литературный язык, при наличии особенностей народных говоров, прочно внедрялся на всей огромной территории Руси. От холодных берегов северных морей до согретого жарким солнцем Черного моря, от Карпат до Волги и Оки, где только ни жил русский человек, в юридических ли документах, в исторических ли повествованиях, в стихах или прозе, звучал тот же точный, гибкий, интимный и образный язык.

Достойно быть отмеченным и то, что русский человек, умевший владеть пером, выбирал себе форму выражения своих мыслей и чувств.

Игумен Даниил, ведший дневник своего путешествия в Иерусалим (1106—1107 гг.), заявляет, что собирается писать „не хитро, но просто“, т. е. сознательно отказывается от словесного витийства. Но лучше всяких литературных украшений непосредственная теплота его патриотического чувства. Как просто и трогательно звучит его обращение к королю Балдуину, тогдашнему владыке Иерусалима: „Господине княже! молюся тебе Бога ради и князей делма русских — хотел бы и аз поставити кандило свое над гробом господним за вся князи наша и за всю Русскую землю, за вся христиане Русския земли“. Поставить „кандило“ за Русскую землю ему было разрешено.

Несомненно, однако, что официальное принятие христианства, как и было рассчитано, ввело Русь в еще более тесное общение с народами Европы. Это общение, как и самое учение христианское, несомненно внесло в русскую общественную среду много нового, заставило задуматься над рядом новых проблем, вызвало к жизни много новых запросов и явилось гранью в истории русской культуры. Все это совершенно верно. Нельзя забы-

вать только того, что и самое вероучение христианское и сопутствующие ему требования перестройки некоторых сторон жизни не были простым пересаживанием чужого на новую почву, а воспринимались как назревшая потребность русского общества, способного самостоятельно разобраться, что именно ему в данный момент нужно для дальнейшего роста своей собственной культуры. Было бы большой наивностью считать, что греческое духовенство научило русских людей думать и строить свою собственную культуру.

ОТНОШЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА К СВОЕМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ПРОШЛОМУ

(История Руси в дописьменный период.
Первый написанный труд по истории Руси.)

Создание славянской азбуки и переводы греческих книг на русский язык дали Руси тоже очень много. Но это отнюдь не начальный момент русской культуры. Ведь и до появления письменности и некоторое время после ее появления живет дописьменная культура, на которую часто и совсем незаслуженно не обращают никакого внимания. А между тем, чем объяснить, например, сохранение для далеких потомков Илиады и Одиссеи тысячи фактов из различных сторон жизни народа, лишь частично записанных в более позднее время, как не тем, что у каждого народа есть свой период дописьменной культуры, очень интересный и заслуживающий самого серьезного к себе отношения?

Вот что пишет Цезарь о галльских друидах: они освобождаются от государственных повинностей, в том числе от военной и податной. На их обязанности лежит длительное учение, продолжающееся около 20 лет. Они заучивают наизусть в стихах всю сумму сведений по астрономии и по географии, по естественной истории и богословию. Они обязаны передать знания своим ученикам. Они считают недопустимым пользоваться письмом, потому что не хотят, чтобы их знания стали достоянием масс, и потому, что записанное уже меньше удерживается в памяти¹.

¹ Caesar, De bello Gallico, lib. VI, cap. XIV.

То же повторял несколькими десятилетиями позже Сенека: „Certior est memoria, quae nullum extra se subsidium habet“ (Ер. 88, 28).

То, что вся сумма заучиваемых сведений облакалась в стихи, очень характерно, так как они легче и точнее запоминаются: из песни слова не выкинешь.

Во времена, предшествующие письму, определенный круг песен имел значение истории: для ориентировки в событиях у разных народов употреблялись шнурки, завязанные узлами, — прототип современных четок, пережиток чего сохранился и в нашем обычае завязывать для памяти узелок.

Главная задача устного творчества на исторические темы — это сохранение в памяти народа героев, их имен и подвигов; большое внимание уделялось также генеалогии героев, незаметно переходившей в хронику событий, связанных с определенным историческим лицом. На придворных пирах обычно присутствовали певцы-сказители, прославлявшие князей и королей, их самих и их предков.

Это явление общечеловеческое. Естественно, что оно имело место и у славян, и у антов-руси в частности.

Нас в данном вопросе интересует не только факт наличия поэтов и певцов на исторические темы, а и то, что именно воспевали эти сказители, сюжетный материал исторических песен, былин и сказаний. Интерес к своему прошлому, потребность связывать настоящее с прошлым говорит уже об известном состоянии культуры, об умении сознавать свою принадлежность к этническому и политическому целому.

Сведения об антских сказителях идут издалека.

Византийский хронист Феофан (751—818) в своей хронике, между прочим, сообщает, что в 583 г. н. э. греки захватили трех славян „без всяких железных доспехов, с одними только гусями¹... Эти славяне говорили, что

¹ Гусли — инструмент общеславянский (древнерусск. гусль, серб. и болг. гусле, хорв. *gusle*, словенск. *gosle*, чешск. *housle*, польск. *gesle*). У поляков *gesla* называется и песня или стих. *Linde, Słownik języka polskiego*, ч. II, стр. 40—41. „Божия песни в гусях“. Григ. Наз. XI в. „Пойте богу в гусях“. Панд. Ант. XI в. „Песни и гусли“. Георг. Амарт. „Ефроус Фраческий, цвнических гуслей сказатель“, Хрон. Малалы и др. Срезневский, Материал для словаря, I, стр. 610.

носят гусли и не умеют облекаться в доспехи, потому что страна их не знает железа. Маврикий (император.— Б. Г.), подивившись их росту и похвалив их величавую наружность, отослал их в Гераклею". Эти гусяры сказали, что они 18 месяцев шли со своей родины, находившейся „у края западного океана“.

Трудно сказать, откуда именно были родом эти три славянина, с какого именно участка Прибалтики, но совершенно ясно, что они были гусярами и певцами, так как обычно пение сопровождалось аккомпанементом на гусях.

Что касается непосредственно Руси, то у нас, кроме известных былин, песен и сказаний, вошедших в письменную литературу, имеются определенные указания на имена мастеров этого дела.

Боян, знаменитый „соловей старого времени“, пел свои песни тоже в сопровождении гуслей, слагая их в честь исторических личностей, прославивших себя своими деяниями. „Аще, кому хотяше песнь творити... тогда пущаше 10 соколов на стадо лебедей... песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу... красному Романови Святославичю“. Живые струны Бояна „князем славу рокотаху“. Неизвестный нам по имени автор „Слова о полку Игореве“ хотя и поставил себе задачу петь „по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню“, т. е. быть более конкретным, чем растекавшийся мыслию по древу Боян, но по существу был тем же певцом исторических событий и великих людей. И мы можем без труда убедиться в том, как выполнялась эта задача. Без всяких преувеличений можно сказать, что перед слушателями певца-поэта проходила в поэтической форме подлинная история, с глубоким пониманием событий, тонкой характеристикой политических деятелей и обоснованной оценкой людей и их дел.

Мы не сделаем никакой ошибки, если допустим, что Боян, его современники и его предшественники так же внимательно следили за течением жизни, отмечали знаменательные факты и передавали их в песенной форме тем, кто интересовался своим прошлым и настоящим.

После победы Даниила Галицкого над ятвягами герой победы воспевался современными ему певцами-поэтами („песнь славу пояху има“, т. е. ему, Даниилу,

и его отцу Роману). „Словутный певец“ Митусь, взятый в плен Даниилом у владыки Перемышльского, отказался петь перед пленившим его князем („за гордость не восхоте служить князю Даниилу“). Это, правда, был уже XIII век, но это старая традиция, живущая параллельно с письменностью. Несомненно такие же песни пелись и про Олега, и про Святослава; пелись подобные песни и гораздо раньше. „Слово о полку Игореве“ говорит о красных девах „поющих время Бусово“ (вероятно, время Божа.— Б. Г.), вспоминает время Трояново, лета Ярослава.

Певцы слагали свои песни и пели их, потому что сюжеты их интересовали слушателей, пробуждая интерес к деяниям героев. Так создавалась и хранилась дописьменная история Руси. Если бы не так поздно стали собирать и записывать русский эпос, мы располагали бы несравненно большим богатством этих ярких показателей глубокого патриотизма народных масс, их непосредственного интереса к своей истории, умения правильно оценивать лица и события.

Полное внимание к серьезному значению устных преданий в форме исторических песен, сказаний и былин обнаруживают наши первые историки-летописцы, делавшие попытки обобщить известный им материал и тем самым ответить на политические и культурные запросы своих современников.

„Народная киевская сага,— пишет Ключевский,— проходит яркой нитью, как один из основных источников свода („Повести временных лет“.— Б. Г.) по IX и всему X веку; следы ее заметны даже в начале XI столетия, именно в рассказе о борьбе Владимира с печенегами. По этим уцелевшим в своде обломкам киевской былины можно заключить, что в половине XI в. уже сложился в Киевской Руси целый цикл историко-поэтических преданий, главное содержание которых составляли походы Руси на Византию“¹. Если бы В. О. Ключевский не вышел из хронологических рамок, здесь им намеченных, то мне пришлось бы внести в этот его текст поправку. Но сам он несколькими страницами дальше говорит о том, что

---

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, I, 1918, стр. 96.

и более ранний, докиевский, период истории русского народа сохранен для нас в тех же песнях. Слышится „отдаленный отголосок целого цикла славянских песен об аварах, сложившихся на Карпатских горах“ („Сказание об обрах“, конец VI и начало VII в.— Б. Г.).

Мне незачем много говорить здесь об известных местах „Повести“, взятых из песен и былин. Этих мест немало: сказание о Кие, Щеке и Хориве, о мести Ольги, о пирах Владимира, взятии Корсуни, женитьбе Владимира на Рогнеде, единоборстве Мстислава с Редедей, характеристика Святослава и др. Наши специалисты литературоведы даже находят некоторые остатки стихотворной формы в летописных записях, почерпнутых из устных источников. Не только правдоподобно, но и вполне закономерно такое прямое воздействие устного стиха на письменную прозу. Наши первые историки-летописцы считали народное творчество вполне доброкачественным материалом, которым можно пользоваться для задач правдивого изображения прошлого, и придавали этому материалу силу доказательства. Так было не только на Руси. Старые песни народов Полинезии, как замечает миссионер, хорошо знавший их быт, „нечто в роде неоспоримого классического авторитета, к которому они обращаются для установления каждого спорного факта своей истории“. То же мы имеем и в скандинавских сагах.

И нужно прямо сказать, что во время сравнительно малого распространения письменности значение поэта как историка было гораздо выше, чем впоследствии, и от безграмотного поэта-историка требовалось даже несравненно больше таланта, чем от грамотных фиксаторов отдельных фактов. Понятно, почему последним не приходилось обращаться к музам: ведь Зевс посылал только „людям высокого духа по воле своей вдохновенье“. А протокольную запись мог вести и человек, лишенный всяких дарований.

Чтобы не вызвать упрека в бездоказательности, привожу тут отрывок из Франкской амандской¹ летописи.

687. Война Пипина в Тестри, где он победил франков.

688, 689, 690... 701 (пустые).

702. Смерть короля Гильдеберга.

¹ Монастырь св. Аманды.

Елизавета Ярославна, дочь Ярослава, с 1015 г. жена норвежского короля Гаральда Гардграва. Фреска св. Софии Киевской.

Собр. Гос. Третьяковской галереи

703—707 (пустые).

708. Умер Дрогон весной.

709. Выступил Пипин в Швабию против Вилария.

710. Опять ходил Пипин в Швабию против Вилария и т. д.

Подобные этим записи велись и у нас на Руси задолго до составления первого обобщающего труда по истории Русской земли. Этого требовал княжеский двор, центр, откуда расходились нити княжеского управления Русской землей и где решались и осуществлялись вопросы внутренней и международной политики.

Давно уже в нашей специальной по истории летописания литературе установилось положение, что краткие заметки о крупных событиях делались отрывочно, без установления связи между ними. Факты эти регистрировались и хранились в княжеской канцелярии, подобно тому как хранились там же государственные документы, постоянно необходимые для выполнения задач текущей политики.

Трудно установить, когда началась эта практика. Можно лишь с уверенностью сказать, что она утвердилась с того времени, когда окрепла государственная власть в крупных политических центрах и особенно когда Киев стал столицей большого Русского государства, т. е. со второй половины IX в.

По мере расширения международных связей Руси, по мере усложнения аппарата и техники управления страной необходимость точно фиксировать политические события должна была делаться все более и более настоятельной. Для облегчения этих записей существовали как на Западе, так и у нас, особые календарные таблицы, где под соответствующими годами и отмечались нужные факты. Есть все основания думать, что каждый новый киевский князь заводил свои собственные записи.

В „Повести временных лет“, кажется, есть ясные намеки на это обстоятельство. Под годом 915, например, записано: „Приидоша печенези первое на Русскую землю“. Под годом 968 повторяется та же фраза. Выходит, что печенеги впервые появлялись на Руси дважды. И. И. Срезневский, как мне кажется, совершенно правильно объясняет это тем, что тут мы имеем самостоятельные записи двух моментов жизни Руси: один

княжеский чиновник писал при Игоре, другой — независимо от первого, спустя 53 года и, очевидно, не справившись в записях своего предшественника. Первое появление печенегов не произвело на русских людей такого впечатления, чтобы оно могло надолго остаться в народной памяти. В 915 г. пришли печенеги, „сотвориша мир с Игорем“ и проследовали к Дунаю. Второе появление в 968 г. было очень серьезным событием, грозившим уничтожить большой успех Святослава в Болгарии. Святослав тогда нанес печенегам очень чувствительный удар.

В той же „Повести“ есть следы и каких-то обобщающих события сводок, тоже необходимых для практических целей. В „Повести“ вводятся особые разделы: „От смерти Святослава и до смерти Ярослава лет 85, а от смерти Ярослава до смерти Святополка 60“. И. И. Срезневский не без основания полагает, что мы имеем здесь некоторый современный опыт обобщения фактов от Святополка до Ярослава, сделанный одним лицом, и от Ярослава до Святополка — другим. Но это, во-первых, не первый опыт и, во-вторых, это еще не исторический труд.

Если это так, то как же быть с греками, которые по мнению одних — создали нашу писанную историю, а по мнению других — научили нас, как надо ее писать?

Первое мнение, как совершенно ни на чем не основанное и противоречащее всем известным нам фактам, должно быть решительно отвергнуто. Второе имеет за собою некоторое основание, но должно быть уточнено.

Конечно, русские люди многому научились у греков, в том числе познакомились и с формами литературных произведений. Русские люди рано начали читать и греческих хронистов. В этом отношении Русь стала ученицей греческих мастеров.

Но это касается только формы. Если же говорить о содержании, то подобно всем другим народам русские люди без всяких влияний и воздействий на известном этапе своей собственной культуры почувствовали потребность оглянуться назад, на свое прошлое, осмыслить его для самих себя. Эта потребность очень стара. Ее удовлетворяли в свое время поэты, певцы, сказители. Сейчас сделан был общественный заказ на историю родной земли и появилась к тому возможность. Образцы

подобного рода литературы были налицо в переводах с греческого. Подготовительная работа была давно готова, таланты и вдохновение родились среди самого русского народа.

Если для регистратора фактов достаточно было одной грамотности, то для осмысления фактов, создания цельной системы истории своего народа и государства понадобились не только таланты, но и образование.

Талантов у антов было много. Не могли, например, греки поручать командование своим флотом человеку неспособному, а между тем ант Доброгаст в середине VI в. состоял в звании „военного трибуна“ во главе Понтийского флота в ответственный момент войны Византии с персами. Это не единственный случай, но это, конечно, и не массовое явление.

Когда же и как появились на Руси образованные люди, которым было по плечу создание обобщающего труда по истории своей страны?

Нам хорошо известно, что со времени Владимира Святославича официально существует в Киеве государственная школа. Тотчас же по возвращении Владимира из корсунского похода, когда он прибыл в Киев со своей женой — сестрой греческого императора, окруженной свитой образованных греков, он „нача поимати у нарочитые чади дети и даяти нача на учение книжное“.

Необходимо понять точный смысл термина „учение книжное“. Иначе мы впадем в неизбежную ошибку. Это не простая грамотность, а систематическое образование, обучение тогдашним наукам. О митрополите греке Иоанне II (ум. 1089) „Повесть временных лет“ отзывается с величайшими похвалами: „бысть муж хитр книгам и учению... и сякого не бысть прежде в Руси, ни по нем не будет сяк“. Митрополит Кирилл II, тоже ученый (ум. 1223) по отзыву той же „Повести“ был „учителен зело и хитр учению божественных книг“. О двух русских митрополитах „Повесть“ выражается так же: знаменитый Илларион „бе муж благ, книжен и постник“. Климент „бысть книжник и философ так, яко же в Русской земле не бяшесть“. В то же время о князе Борисе Владимировиче Нестор говорит гораздо скромнее: князь „баше бо и грамоте научен“. О том, что он проходил „книжное учение“, тут не сказано ничего. О митрополите греке

Иоанне-скопце, несомненно человеке хорошо грамотном, сказано: „был муж не книжен, умом прост и просторек“.

Совершенно ясно, что „учение книжное“ — это не простое обучение грамоте, а преподавание наук, в тогдашнем византийском понимании термина — преподавание, дававшее серьезное, конечно по тому времени, образование. Грамоте обучались не в школе, созданной Владимиром. Простая грамотность была известна на Руси задолго до Владимира. Детей „нарочитой чади“, т. е. старших дружинников, княжих мужей, бояр, конечно, набирали не для того, чтобы воспитать из них пономарей или даже рядовых священников, а для того, чтобы создать образованных людей и государственных деятелей, способных поддерживать общение с той же Византией и другими странами.

Кроме этой государственной школы в Киеве было много возможностей учиться и в других городах. Так, Феодосий Печерский в детстве, очевидно в Курске, учился у „единого от учитель“ и, по словам Нестора (может быть, несколько и преувеличенным), „...вскоре извыче вся граматикия“, т. е. обучился не одной грамоте, а прошел какой-то курс учения. Несколько иначе можно понять сообщение „Повести“ об учреждении Ярославом государственной школы в Новгороде: Ярослав „прииде к Новугороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам“. Поскольку речь идет о „поповых детях“, можно думать, что тут разумеется подготовка образованного духовенства. Есть основание предполагать и о существовании школ при епископских кафедрах, по крайней мере некоторых.

Для продолжения и углубления образования, а также и для самообразования служили библиотеки. Они были введены в русские монастыри вместе со студийским монастырским уставом. Библиотека находилась в ведении особого брата-библиотекаря. Братия по его распоряжению должна была являться в определенные часы для чтения книг. Часть братии занималась списыванием книг. При Феодосии в Печерском монастыре был монах Илларион, „хитрый писать книги“. Никон переплетал их. А в углу его стола по вечерам пристраивался сам Феодосий и пряд нити, необходимые для сшивания книг.

Некоторые из братии имели свои собственные библио-

теки. Ученик Феодосия Григорий не имел ничего своего, но не мог удержаться от приобретения книг. У него их стали воровать. Чтобы не вводить воров в искушение, он часть своих книг подарил „властелину града“, а другую продал: вырученные деньги роздал нищим. Но тяга к книге не прошла. Он снова стал собирать библиотеку.

Монах Никита, будучи в монастыре, наизусть выучил Ветхий завет, Дамиан не спал ночи и читал книги, Феодосий поощрял „почитанье книжное“. Книги накопились и тщательно хранились. Для литературных работ, выходивших из этого монастыря, они, конечно, были необходимы.

Ярослав, по свидетельству летописи, много книг „положи в Святой Софии, юже сам созда“. Он сам был большим любителем книг и понимал значение книжных собраний. Сын его Святослав наполняет свои клетки книгами. Князь Святополк Николай Давидович (Святоша) тратит на книги свою казну и дарит их Печерскому монастырю.

Книги были не только богословского содержания. Это видно из переписки митрополита Климента со смоленским пресвитером Фомой. Фома упрекает Климента (это тот самый Климент, иначе Клим „русин“, которого демонстративно сделал митрополитом князь Изяслав Мстиславич) в тщеславии, в том, что, славя себя и выдавая себя за философа, он пишет „от Омира (Гомера.— Б. Г.), Аристотеля и Платона“. Климент не отрицал своего знакомства с Гомером, Аристотелем и Платоном, но в свою защиту утверждал, что он пользовался греческой литературой для более глубокого понимания Священного писания, что такое духовное понимание писания выше буквального, чувственного¹. Вполне естественно сделать отсюда вывод, что в школах Владимира и Ярослава преподавались греческая литература и история.

Серьезным пониманием значения книги проникнуты строки „Повести временных лет“, посвященные этому предмету. Именно отсюда взяты те крылатые слова о книге, которые и сейчас украшают читальный зал

---

¹ Х. Лопарев, Послание митр. Климента к смоленскому пресвитеру Фоме. СПб., 1892; Н. Никольский, О литературных трудах митрополита Климента смоленского, писателя XII в. СПб., 1892.

Государственной публичной библиотеки в Ленинграде: „Книги суть реки, напояющие вселенную“.

Не менее тщательно собирались и хранились и архивы: при церкви Илии в Киеве хранились архивные документы. При других церквях в большей или меньшей степени сохранялись записи о случаях, лицах, в том или ином отношении замечательных. При церквях велись и пасхальные таблицы с заметками об отдельных событиях. При соборных храмах в Киеве, Новгороде, Полоцке, Ростове и других были свои библиотеки и архивы. Киевская София в этом отношении особенно интересна. Ведь здесь, как в новгородской Софии, совершалось посажение на стол князей, тут сходились князья для переговоров, в ее дворе собиралось вече. При таком значении храма записи о событиях, здесь происходивших, должны были иметь характер политический.

„Повесть“ в том виде, в каком она дошла до нас, есть произведение, над которым трудилось несколько поколений летописцев, пересматривавших и продолжавших работу своих предшественников. Каждый из них был сыном своего времени и своей среды, но все они были детьми одной матери Родины и отвечали в сущности на один вопрос, как сложилось великое государство, „ведомое и слышимое всеми концами земли“.

Но прежде чем появился этот вопрос, должно было вырасти самое государство и занять свое место в тогдашнем мире. Только народ, осознавший самого себя, мог создать произведение, достойное себя.

Киевское государство, колыбель великорусского, украинского и белорусского народов, явилось результатом длительной предшествующей истории, корнями своими уходящей в туманную глубь веков, с VI в. нашей эры, однако, уже довольно ясно распознаваемой¹.

Когда Киев властным распоряжением князя Олега был объявлен „матерью городов русских“, Русь уже

---

¹ В конце VI в. в Прикарпатье уже известен арабам и русским летописцам факт наличия большого политического объединения восточнославянских племен под главенством племени дулебов. Союз этот, распавшийся под ударами аваров, мы можем считать первым крупным этапом в политической истории Руси. Несколько позднее арабские источники называют нам и другие политические объединения: 1) С л а в и я — Новгородская земля, в состав которой входят

имела богатое прошлое. Она могла рассказать и о новгородских славянах, и об их тесных политических связях и с не-славянскими народами Прибалтики, о постоянном общении славян с арабами и с соседними скандинавскими странами, то мирными, то враждебными, о приглашениях варяжских наемных дружин, о вожде одной из них, которому удалось узурпировать власть в Новгороде. Еще больше можно было рассказать о Киеве, одном из старей-

и некоторые не-славянские народы Прибалтики, образующие вокруг Новгорода некоторое политическое и культурное единство; 2) Куявия — среднее Поднепровье с Киевом во главе и 3) Артания — по видимому, Приазовский край.

Если Артания, войдя в состав Хазарского каганата, в VIII—IX вв. уже не играет самостоятельной политической роли, то Славия и Куявия живут полнокровной жизнью и в 80-х годах IX в., согласно показанию „Повести временных лет“, объединяются в большое государство со столицей в Киеве.

Киевское государство, как и хронологически предшествующие ей восточнославянские государства в Прикарпатье, в Поволжье, Поднепровье и Приазовье, родилось в то самое время, когда на смену умирающей рабовладельческой Римской державе, разлагавшейся изнутри и ослабляемой ударами новых молодых народов, которых римляне называли „варварскими“, создавались одно за другим новые государства, по преимуществу германцев и славян. Государства эти по общественному строю резко отличались от рабовладельческой Римской державы. В основе производства здесь лежит труд свободных членов общин, постепенно, однако, закрепощаемых, чем и подготовлялась победа феодальных общественных отношений. Эти государства в период их сложения и в первые века их истории мы имеем основания считать дофеодальными. Во главе их стоит представитель верховной власти (король, князь, хан, каган), недавний выборный вождь объединенных племен, сейчас ставший наследственным, но не успевший разорвать свои непосредственные связи с народными массами, окруженный знатью, выросшей из родовых и племенных старшин, знатью, поддерживающей своих владык, поскольку такого рода политическая организация соответствует их собственным интересам, обогащению через покорение соседних племен и народов, облагаемых победителем данью, расширению их власти над землей и сидящим на ней населением, укреплению их политического могущества, еще не достигшего того уровня, чтобы позволить им стать между народом и верховной властью. В то же время это — период ликвидации племенного строя и слияния племен в народ.

Государства эти проявляют кипучую деятельность и при благоприятных условиях достигают иногда огромного могущества. В это время закладываются основы крупнейших европейских государств.

Киевское государство — самое крупное не только из славянских государств, но и вообще из всех средневековых феодальных государств Европы.

ших городов русских, о его международном положении на путях с высоко культурного тогда Востока на Запад, о его связях с Византией, Кавказом и Средней Азией, о первых его князьях, о попытках варягов овладеть этим крупным центром на Днестре и т. п.

Но все эти интересные и важные факты в глазах наших первых историков-летописцев отошли на второй план по сравнению с фактом объединения отдельных частей Руси в единое государство под главенством новой династии Рюриковичей, — вернее, Игоревичей, — поскольку династическая связь с Рюриком в „Повести“ установлена очень сбивчиво и искусственно. Событие это настолько подчеркнуто в трудах наших первых историков-летописцев, работавших под непосредственным наблюдением этой самой династии и в ее интересах, в это время не отделимых, по убеждению летописцев, от интересов народных, что надолго загипнотизировало и последующих историков, без всякого оправдания забываявших дорюриковский период истории русского народа. Такова сила воздействия „Повести временных лет“ на последующие поколения историков, сила традиции.

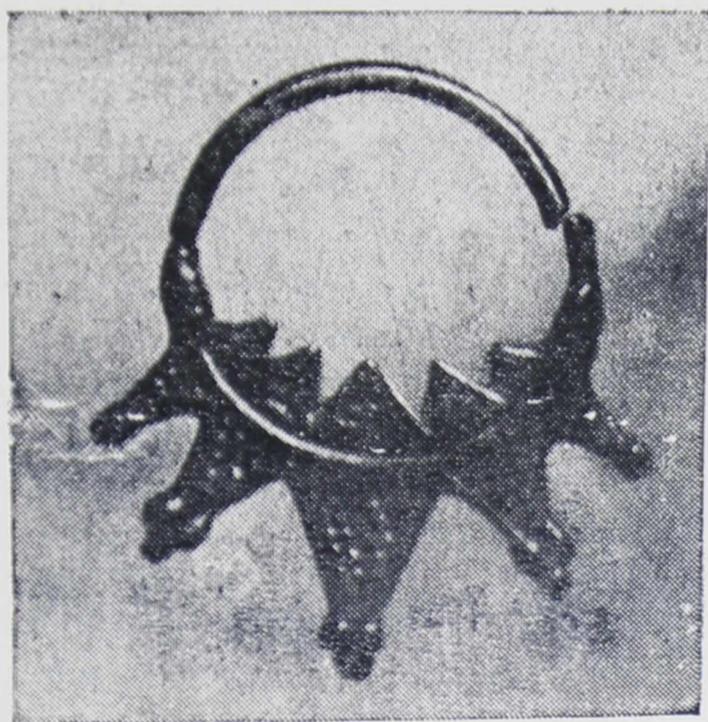
Успехи археологии, этнографии, языкознания и критики письменных источников эту „традицию“ разбили окончательно. Читая ту же „Повесть временных лет“, мы открываем сейчас в ней новый смысл, понимаем ее не так, как понимали Шлецер, Карамзин, даже С. М. Соловьев.

„Повесть“ не только не противоречит нашему современному представлению о ходе истории России, но несомненно его подтверждает.

Сознание блестяще пройденного длительного пути, несомненные и заметные успехи в области культуры и политики не могли не вызвать чувства законной гордости за свою страну и свой народ.

От VI до XII в. у русских и не-русских авторов, у друзей и врагов славянства и Руси, мы слышим о славянах, а затем о русских людях и Русской земле в сущности одно и то же: это народ многочисленный, могучий, с огромными возможностями и такими же великими достижениями.

Каким глубоким убеждением проникнуты, например,

Височное кольцо IX в.

Орнаменты на перстне,

слова летописца: „Кого бо тако бог любит, якоже ны возлюбил есть? Кого тако почел есть, якоже ны прославил есть и вознесл? Никого же“. Русская земля „паче всех почтена и паче всех просвещена была“.

Те же мысли и чувства мы слышим и в „Слове“ митрополита Иллариона: „Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великая и дивная сотворшего, нашего учителя и наставника, великого кагана нашея земля, Владимирера, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, иже в своя лета владычествующа, мужеством же и храбрством в странах многих и поминаются ныне и словут: не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля“.

Чтобы высказывать столь убежденно подобные мысли, их авторы должны были иметь серьезные основания. Основания эти у них, несомненно, имелись. Право Руси на всеобщее признание ее национальной чести завоевывалось в очень сложной общественно-политической обстановке. Русь действительно знали во всех концах земли. И не только знали, но и признавали. Иерусалимский король Балдуин прибывшему к нему простому русскому игумену оказал, например, исключительное внимание, конечно не как игумену, а как представителю Русского государства. Король на Пасху провел его в своей свите через толпу паломников в церковь Гроба господня „и повеле поставити высоко над самыми дверми гробными“; по распоряжению короля игумена пускали туда, куда никому не было разрешено входить¹. Арабы со своей стороны оказали русскому игумену знаки внимания: „Старейшина срациньской сам с оружием проводи ны олне до Вифлеема и та места вся тоже ны проводил“.

Других примеров признания Руси на Западе и Востоке, как брачные союзы, политические соглашения, военное сотрудничество, торговые и культурные связи, можно привести множество. Они хорошо всем известны.

---

¹ „Блюдутъ же его („столпъ Давидовъ“. — Б. Г.) вельма, не дадутъ никому же влезти в оны; но мне худому пригоди бог влезти в столпъ той святой и одва возмогахъ с собою ввести единого от людей моихъ именемъ Сдеслава Иванковича, а иныхъ не впустиша никого же“.

О Руси была прекрасно осведомлена — больше, чем кто-либо — и просвещеннейшая среди государств тогдашнего мира Византия. Ее старые связи с Русью определили принятие Русью христианства от Византии. Но именно этот шаг и грозил очень не дешево обойтись Руси. Ведь русская земля стала одной из митрополий константинопольского патриарха, а в Византии церковная и светская власть находились в тесном союзе. Император возглавлял и империю и церковь. Совершенно понятно, что митрополит, присланный из Византии в Киев, становился во главе русской церкви, оставаясь прежде всего и больше всего представителем власти константинопольского патриарха и тем самым византийского императора. Такое положение киевского митрополита, конечно, не могло не вызвать и в русских князьях и в русском обществе конфликтов по очень принципиальным вопросам.

Поэтому совершенно понятна попытка Ярослава покончить с этим двусмысленным положением. Ярослав старается поднять значение своего стольного города и устраивает его по образцу Константинополя: он закладывает новый Кремль, строит „Золотые ворота“, сооружает св. Софию (есть основание полагать, что старая София в Киеве сгорела), а за нею ряд церквей и монастырей.

Тринадцатиглавая деревянная София уже давно перед этим (с 989 г.) стояла в Новгороде и не замедлила появиться в Полоцке, символизируя культурное и политическое единство трех крупнейших центров Руси. Не забудем, что в Новгороде и Киеве, а весьма возможно и в Полоцке, насаждался когда-то и единый культ Перуна. Св. София идейно связывала Русь с Византией; но отсюда совсем не вытекала, как показывают факты, готовность Руси стать в подчинение Византии и потерять свое собственное лицо.

Ярослав очень определенно вел свою национальную линию, и конфликт его с Византией вылился в поход против нее русского войска под начальством сына Ярослава Владимира, — поход, который один из византийских политиков назвал войной „варваров“ против гегемонии греческой. Поход 1043 г. для Руси был неудачен, но Ярослав не складывал оружия и в 1051 г. решился на очень смелый шаг — поставления в митрополиты русского

человека. Этот шаг Ярослава греки поняли очень правильно, не решились на полный разрыв и пошли на компромисс: Киев принял к себе митрополита грека, сын Ярослава Всеволод женился на дочери императора из дома Мономахов.

„Не по мнозех днех“ после поставления Иллариона возник и Киево-Печерский монастырь. Антоний, его основатель, поселился первоначально даже в той самой пещере, где подвизался перед ним Илларион.

Около Антония стали собираться крупные люди, которым в разное время пришлось играть серьезную роль в церковно-политической жизни Руси. Здесь мы видим „великого Никона“, продолжателя древнейшего летописного свода, очень заметную общественно-политическую фигуру Феодосия, Варлаама, сына знатного киевского боярина Ефрема, впоследствии епископа Переяславского. Через 4 года Киево-Печерский монастырь уже был хорошо известен. Между монастырем и княжеским двором установилось постоянное общение. Старший сын Ярослава Изяслав уже приходил в монастырь с дружиною просить у Антония молитвы и благословения — конечно, на дела значительной политической важности.

Сюда приходили князья, бояре, купцы, русские и не-русские люди. Приходили в монастырь „за благословением перед началом дела, для благодарственной молитвы по окончании, молились, просили печерских молитв, жертвовали „от имений своих на утешение братии и на строение монастырю“, рассказывали, размышляли вслух, исповедуя игумену и братии свои помыслы. Печерский монастырь был собирательным фокусом, объединявшим рассеянные лучи русской жизни...“¹

С момента своего основания монастырь стал поддержкой Ярослава в его стремлении к церковной самостоятельности, центром русской национальной мысли, рассадником и школой русских иерархов. „Мнози епископи (около 50) поставлени быша во всю Русскую землю“ именно отсюда, как подчеркивал это епископ Симон в своем письме к черноризцу Поликарпу около 1225 г.

Рост политического значения монастыря и направле-

---

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, I, изд. 1918 г., стр. 95.

ние его деятельности не могли, конечно, не вызвать беспокойства у митрополита грека, новая паства которого оказалась не таким уж „варварским“ стадом, как склонны были первоначально думать константинопольские власти, а живым и деятельным народом, совсем не намеревавшимся итти на поводу у греков и имеющим к тому все материальные и духовные возможности.

„Великий Никон“ в связи с осложнениями между монастырем и митрополитом вынужден был покинуть монастырь и три года провел в Тмутаракани, где не бездействовал, а организовал филиал Печерского монастыря, т. е. создал новый действенный очаг своих единомышленников. Вынужденно пришлось покинуть монастырь и Антонию.

Во время восстания киевлян против Изяслава в 1074 г. монастырь и сам Антоний несомненно принимали в движении какое-то участие, и, когда Изяслав при помощи поляков вернул себе Киевский стол, Антоний, опасаясь княжеского гнева, принужден был ночью тайно покинуть город и был увезен Святославом в его вотчинный город Чернигов. Феодосий тоже не оставался пассивным, хотя его отношение к Изяславу было иным. Он его признавал и оставался в этом отношении твердым до конца, но его беспокоили симпатии Изяслава к католичеству и Польше. До нас дошло „Послание“ Феодосия к Изяславу с обличением и предостережением. „Ты же, чадо, блюдиися кривоверных, — писал Феодосий, — и всех их словес, занеже исполнилася и наша земля злыя тоя веры“. „Не подобает же, чадо, хвалити чюжие веры: аще хвалит хто чужю веру, то обретається свою веру хуля“. „Ты же, чадо, блюдиися их и свою веру непрестанно хвали, ни свойся к ним, но бегай их и подвизайся в своей вере добрыми делы“. Прямо по адресу Изяслава, женатого на католичке-польке, поддерживавшего постоянные связи с Польшей и окруженного поляками (даже у его сына Мстислава были польские телохранители), направлены слова, требующие „блюсти своих дочерей, не давати за них, ни у них поимати“¹.

---

¹ Дочь Владимира Святого Мария Доброгнева была замужем за польским королем Казимиром I. Сын Казимира и Марии был женат на русской княжне. Изяслав Ярославич женился на сестре Казимира.

Насколько благородно национальное чувство у этого печерского черноризца, видно из того места „Послания“, где автор делает характерную оговорку: „милуй не токмо своея веры, но и чюжия: аще видиши нага или голодна или зимою или бедою одержима, аще то буде жидовин, или срацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или ото всех поганых,—всякого помилуй и от беды избави я, яже можеш“. Это не узкий национализм!

„Послание“ мало помогло: очутившись вторично за границей в качестве изгнанника, Изяслав ищет помощи не только у своего родственника польского короля Болеслава, но обращается и к германскому императору Генриху IV, и к самому папе Григорию VII, которому обещает в случае благополучного возвращения в Киев признание его власти.

Знал или не знал Феодосий о заграничных похождениях Изяслава, во всяком случае он обнаружил большую твердость в отстаивании его прав на Киевский стол, когда этот последний был занят братом Изяслава Святославом. Обострение отношений между монастырем и княжеским двором доходило до угрозы разрыва. Святослав готов был заточить Феодосия. Вмешательство вельмож и выступление братии спасло положение. Феодосий примирился со Святославом и разрешил поминать его в церковных службах, но все-таки на втором месте после Изяслава. Никон не пошел на соглашение и предпочел удалиться снова в Тмутаракань.

Святослав со своей стороны обнаружил готовность идти навстречу монастырю: он дарит монастырю соседнее с ним княжеское поле, лично участвует в закладке фундамента каменной монастырской церкви. А когда Феодосий очень скоро после этого безнадежно заболел, Святослав со своим сыном Глебом прибыл к умирающему и выслушал его последнюю волю. Феодосий просил князя взять монастырь под свою защиту. Это было очень важно, так как митрополиты греки продолжали косо смотреть на деятельность Печерской обители. Феодосий знал, конечно, что Святослав в этом отношении его единомышленник, так как князь выступал не раз против византийских притязаний на Руси. При нем митрополит даже не жил в Киеве, а предпочитал находиться в Переяславле у гре-

кофила Всеволода, настроенного враждебно и против Святослава.

Феодосий умер в 1074 г., а через два года отошел в вечность и Святослав. На Киевском столе водворился Всеволод, а через полгода вернулся из изгнания и Изяслав, интересы которого так усердно защищал Феодосий.

Отражением смены князей на Киевском столе явилась неизбежная смена игуменов: Стефан был изгнан братией и вместо него посажен верный Изяславу Никон, успевший к этому времени (после смерти Святослава) вернуться в Киев. Но неожиданная смерть Изяслава на поле брани (3 октября 1073 г.) снова спутала все карты и расчеты политических кругов Киева. Власть оказалась в руках Всеволода, давно крепкими узами связанного с византийским императорским двором и пользовавшегося большим вниманием императора Михаила VII Дука. Два письма его к Всеволоду, до нас дошедшие, говорят об этом совершенно ясно.

Так, даже в семье Ярослава отразились различные течения русской общественной мысли: западники, грекофилы и сторонники культурной самостоятельности Руси горячо боролись друг с другом, по-разному понимая задачи и пути дальнейшего развития своей Родины.

По вполне понятным причинам, между Всеволодом и митрополичьей кафедрой установились доброжелательные отношения, а для Печерского монастыря опять настали трудные времена. Всеволод, в противовес Печерскому монастырю, устроил свой собственный — Михайловский Выдубицкий и проявил большую заботу о его процветании. В празднике освящения каменной церкви этого нового монастыря самое активное участие принимал митрополит, в то время как он заметно уклонялся от проявления какого-либо внимания по отношению к монастырю Печерскому.

Игумену Никону пришлось пережить немало. К сожалению, до нас не дошел летописный труд Никона, писанный в это время. Труд его, конечно, был проникнут духом Печерского монастыря, т. е. был насыщен общерусским патриотическим чувством, столь неприемлемым для киевского митрополита и его сторонников.

Тут же в монастыре еще при жизни Феодосия писались и другие произведения. Мних Иаков писал „Память

и похвалу Святому Владимиру“ и „Сказание о Борисе и Глебе“. Оба произведения были проникнуты глубоким национальным чувством, затрагивали и решали весьма острые вопросы.

Не секрет, что греки отнюдь не приветствовали появления русских святых и всячески мешали стремлению русских людей выдвинуть святых из своего народа.

Только с трудом и нехотя митрополит вынужден был признать святость Бориса и Глеба¹. Долго и решительно греки противились канонизации и Ольги, и Владимира, и Феодосия. Широкая борьба велась вокруг этих сюжетов: решался вопрос первостепенной важности, быть ли Русской земле культурно самостоятельной или продолжать находиться под опекой греков?

Греки не могли не замечать, какое применение русская их паства делает из первого своего завоевания. Бориса и Глеба очень быстро и охотно признала вся Русская земля. Русские люди, князья и не-князья, стали строить в честь их храмы, заботились о великолелии этих храмов.

Борис и Глеб стали явными конкурентами Софии. Садко, новгородский богатый гость, воздвигает на свои средства в Новгороде грандиозный храм в честь Бориса и Глеба и выбирает для него, конечно с согласия новгородского веча и епископа, место в Кремле, где когда-то стояла первая деревянная София, как раз напротив новой Софии, словно бросая ей вызов. В Новгороде же в разное время было построено еще семь церквей тем же святым.

В Киеве, где сидел митрополит грек, проделать эту демонстрацию было труднее. Но храм Борису и Глебу

---

¹ Он сильно сомневался в святости братьев-князей, и только когда их мощи были перенесены в новую церковь в Вышгороде, сооруженную князем Изяславом, и когда церковь при этом „исполнился благоухания“, митрополита объял ужас: „бе бо нетверд верою к нима“, как отмечает это обстоятельство русский патриот-летописец. Митрополит грек „пад ниц, просяще прощения“. Русская же земля без всяких колебаний встретила прославление первых своих святых с величайшей радостью и величайшим усердием. Память их праздновалась весьма торжественно, и день 24 июля причислялся к великим годовым праздникам: „...праздник Бориса и Глеба, яже есть праздник новый Русьския земли“ (Лавр. лет. под 1093 г.). Следующим русским святым стал Феодосий Печерский, который внесен был в синодик по распоряжению киевского князя Святополка Изяславича.

появился в старой любимой подгородной резиденции киевских князей — Вышгороде, куда с исключительной торжественностью были перенесены мощи этих святых. В память этого события установлен был специальный праздник Перенесения мощей Бориса и Глеба, и ему был придан глубокий политический смысл. Храм Бориса и Глеба в Вышгороде занял самое почетное место среди святынь киевских. Не случайно Владимир Давидович Галицкий, прибыв в Киев в 1105 г. вместе с Юрием Долгоруким, счел необходимым явиться прежде всего в Вышгород; „...еха... Вышегороду к святома мученикома поклониться; и тако поклонився святою мученику, и приеха к святой Софии“. София оказалась в данном случае на втором плане. Этим же святым строятся храмы на Альте, месте убиения Бориса, в Переяславле Русском, в Ростове, Чернигове, Рязани, Пскове, Гродно, Полоцке и в других городах.

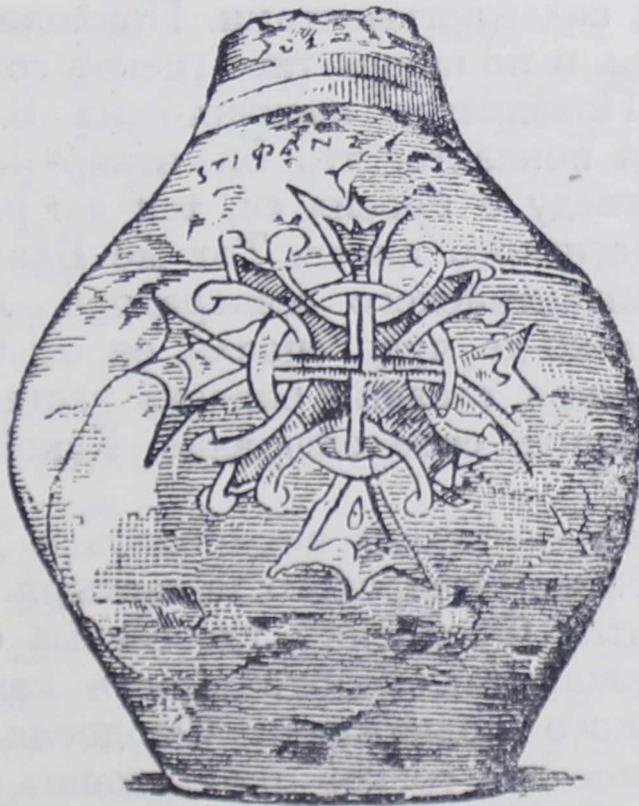
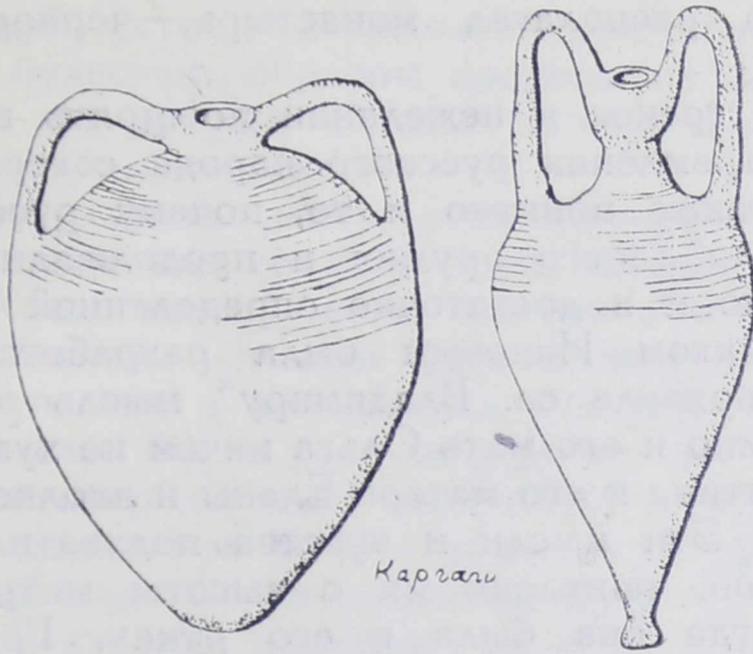
Исключительное отношение русского общества к этим первым русским святым видно и из установления дней их празднования: 2 мая, 20 мая, 24 июля, 11 августа, 12 августа, 5 сентября, т. е. 6 раз в году. Совершенно необычное явление. Праздник Бориса и Глеба считали „великим“ праздником на Руси¹.

Очень интересно отметить, что через несколько лет после прославления на Руси Бориса и Глеба культ этих святых был установлен в Чехии: в Созавском монастыре был построен в честь их специальный придел. Культурно-политические связи, установленные между двумя славянскими народами, нашли новое свое выражение. Откликнулись на это событие и армяне, включив в свой „Пролог“ жития новых русских святых. Чехи прекрасно понимали значение этой победы Руси, так как сами боролись за свою национальную культуру. Армения была в это время резко настроена против Византии. Впрочем, и Византия вскоре сочла полезным признать факт совершившимся и даже построить в честь русских святых церковь в самом Константинополе.

Печерский монастырь, этот очаг национальной русской культуры, откликнулся на „праздник Русской земли“

---

¹ Е. Голубинский, История канонизации святых в Русской церкви, М., 1903, стр. 49.

Киевские амфоры XI—XII веков.

составлением жития первых русских святых. Дело было поручено крупнейшему из литературных талантов, какими только располагал монастырь, — черноризцу Нестору.

Упорство греков в нежелании поощрять в этом направлении стремления русского народа совершенно понятно. Но также понятно и то, почему русские люди не складывали своего оружия и продолжали борьбу.

Уже давно и в достаточно определенной форме печерским монахом Иаковым была разработана в его „Памяти и похвале св. Владимиру“ мысль о том, что князь Владимир и его мать Ольга ничем не хуже императора Константина и его матери Елены и вполне достойны канонизации. Эти мысли и чувства подхватил гениальный Илларион, повторив их с высоты митрополичьей кафедры, когда она была в его руках. Греки сочли это предложение за вызов и его приняли.

Общая обстановка, создававшаяся вокруг этого вопроса на Руси, подсказала грекам их тактику. Они поняли, что одними запрещениями нельзя было ограничиться в среде, где люди умели думать и подкреплять свои мысли уничтожающей силы аргументами. Приходилось бороться тем же оружием, и по инициативе греков готовится контр-выступление. Появляется пасквиль на Владимира, где автор пытается показать, что Владимир развратник. Он обесчестил Рогнеду и бросил ее, так же расправился он с дочерью корсунского князя. Тот же Владимир требует себе сестру византийского императора, лживо обещая ей брак, и только-де чудо спасло ее от бесчестия: постигшая Владимира глазная болезнь заставила его одуматься и исполнить свое обещание. Какой же это кандидат в святые?

Так же греки пытались парировать и другой выпад против них того же Печерского монастыря. Нестор выпустил свое „Житие Феодосия“, где весьма определенно и убедительно доказывал необходимость канонизации достойного русского подвижника Феодосия. В ответ на это неприемлемое для греков предложение появилось житие Антония, где отодвигались заслуги Феодосия и на первое место ставилась креатура греков — Антоний. Житие Антония подчеркивает исключительную заслугу в истории русского христианского просвещения греческого

Афона, от имени которого якобы действовал на Руси Антоний. Он-де подлинный основатель Печерского монастыря, он, а не Феодосий, ввел в монастыре греческий монастырский устав, он заложил каменную церковь и кельи, он чудесным образом продолжает пещись о монастыре и по смерти. Одним словом, Печерский монастырь — дело рук греков¹.

Оба выступления греков против Печерского монастыря не нашли признания среди русских людей и скоро были забыты. А из неоспоримых фактов Антониева жития печерские монахи сделали другой вывод. Если Афон принимал участие в насаждении культуры на Руси, то, поскольку сам Афон не находился во власти патриарха, а непосредственно зависел от императора, то и Печерский монастырь должен зависеть от русского князя и ни в коей мере от митрополита-грека.

Князь Всеволод, несмотря на свои связи с Византией, был человек русский и не мог быть равнодушным к стремлениям своих соотечественников. Игумен Печерского монастыря Иван сумел добиться, хотя уже и в конце княжения Всеволода, некоторого расположения к своему монастырю: князь разрешил перенести мощи Феодосия в каменную церковь, хотя ни сам, ни члены его семьи на этом торжестве не присутствовали.

Печерский игумен Иван в своем летописном своде решил сказать несколько слов в оправдание уже покойного к этому времени Всеволода: он-де был больной и дряхлый, делами ведал не он, а молодая часть его дружины. Очевидно, ни с той, ни с другой стороны не было достигнуто взаимного понимания.

С вокняжением Святополка Изяславича, враждебно настроенного против Всеволодовичей, игумен Иван за выступление против Святополка был арестован и сослан в наследственный город Святополка Туров.

Несмотря на многие отрицательные свойства как в характере, так и в поведении, у этого князя был один плюс, нашедший себе признание в Печерском монастыре, и в частности у Нестора: Святополк оказался сторонником той общерусской традиции, которая, как неугасимый огонь, неизменно поддерживалась в древ-

---

¹ М. Д. Приселков, Нестор-летописец.

нейшем русском монастыре. Эта симпатия к Печерскому монастырю подогревалась разладом Святополка с митрополитом Николаем (1096—1101) и его преемником Никифором. Святополк, наконец, решился на шаг, которого давно ожидали русские патриоты. Он согласился, хотя и не на полную канонизацию Феодосия. Игумен монастыря был повышен в ранге и стал архимандритом. Рука князя Святополка чувствовалась и здесь¹.

А в это время Нестор, автор житий Бориса и Глеба и Феодосия, готовился к новому труду, приступить к которому вскоре получил официальное поручение.

Мы можем совершенно точно ответить на вопросы, поставленные Шлецером: „Как пришло Нестору на мысль написать временник своей земли и на своем языке? Каким образом этот русс вздумал быть историком своего народа?“ Мысль эта была внушена ему культурными запросами самого русского общества. Нестор не только вздумал стать историком своего народа, но и стал им потому, что был к этому подготовлен своим образованием, а труд его был облегчен специальной работой его предшественников; литературный русский язык к этому времени был уже настолько развит, что вполне мог служить требованиям как научной книги, так и поэтического произведения любого жанра.

Есть имена, успевшие стать символами. Таково и имя Нестора. Даже те, кто сомневается в наличии Нестор-летописца, должны признать, что имя великого старца не только живет, но и популярно, как имя Гомера.

Шлецер, не имевший никаких специальных побуждений к прославлению автора „Повести“, познакомившись с нею, выделил ее среди других произведений того же рода. „Этот русс,— писал он,— в сравнении с исландцами и поляками так превосходен, как рассудок, иногда затмевающийся, в сравнении с беспрестанною глупостью“. Только для Шлецера величие этого произведения было неразрешимой загадкой, для нас же—это вполне понятная закономерность.

Нестор понял свою задачу очень широко. Он и переделал, и завершил труд своих предшественников, значительно раздвинув его хронологические рамки, и уде-

---

¹ М. Д. Приселков, Указанное сочинение.

лил много внимания князю Святополку, затушевывая темные стороны его деятельности и подчеркнув положительные.

Нестор поплатился за это выражение симпатий к Святополку, как только власть после смерти Святополка перешла к его противнику Владимиру Мономаху.

Владимир Мономах во многом расходился со своим предшественником. На Киевский стол он сел уже 60-летним мужем. Блестяще для своего времени образованный, многоопытный в делах ратных и международных, изучивший людей, его окружающих, и в то же время знающий нужды народной массы, он сумел составить план действий со строгим учетом реального политика, понявшего разницу между желаемым и возможным. Своей основной цели — спасти Русское государство от полного распада ценою необходимых компромиссов он достиг: обособившиеся владетельные князья получили возможность на узаконенном основании сидеть в своих вотчинах-княжествах при условии признания киевского князя, олицетворявшего единство Русской земли.

Очень хорошо понимая значение различных политических течений, обострившихся в последние годы княжения Святополка и столь бурно проявивших себя в первые дни после его смерти, Мономах не совсем одобрительно относился к деятельности Печерского монастыря, и Нестора в частности.

Дело летописания было передано в фамильный монастырь Всеволодовичей и попало в руки игумена Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестра. Ему дано было поручение не просто продолжать труд предшественников, а переделать его заново по указанию самого Владимира Мономаха. Этим распоряжением власти высказывалось недоверие к Нестору и его монастырю, осуждался курс, взятый им и положенный в основу труда его жизни. Сделан был шаг, по своим последствиям далеко выходящий за пределы Печерской монастырской стены, за пределы самого Киева, имея значение общерусское. Имя Нестора после этого надолго стало одиозным. Оно было выброшено и из книги, строго говоря, ему принадлежащей, — разрешалось лишь подразумевать его под анонимом „черноризца Феодосьева монастыря Пе-

черского". И много должно было пройти времени, пока это имя воскресло и прозвучало на весь мир.

Так сложилась общественно-политическая обстановка, в которой рождался первый систематический труд по истории Руси. Он все-таки появился, и те трудности, какие приходилось преодолевать его авторам, ясно говорят нам о понимании его важности. Боролись за каждую мысль, потому что она была не безразлична.

Киево-Печерский монастырь не желал мириться с создавшимся для него положением, постарался восстановить свое морально-политическое значение в глазах всего русского мира и ценою значительного компромисса добился того, что дело летописания снова перешло к нему, продолжаясь, впрочем, одновременно и в монастыре Выдубицком.

Если мы примем во внимание, что параллельно с этой основной линией русского летописания шли боковые, что составлялись своды и в Новгороде, и в Галицкой земле, и в Переяславле, что летописным делом занимались и духовные люди (при монастырях и епископских кафедрах), и светские (при княжеском дворе), то станет очевидным огромный интерес к вопросам своей истории в различных уголках Русской земли.

„Повесть временных лет“ — это одно из произведений человеческого гения, которому судьба предназначила неувядаемый интерес на протяжении веков. Книгу читали с волнением и интересом и тогда, когда она только что вышла из рук автора, равнодушно ее не читают и сейчас.

Кроме многочисленных русских изданий, „Повесть временных лет“ печаталась и переводилась за границей: в 1860 г. в Вене она была издана Миклошичем. Одновременно с изданием Миклошича предпринято было в Киеве издание Котковского с переводом на польский язык. В 1812 г. был сделан перевод „Повести“ на немецкий язык Иосифом Миллером в Берлине, в 1834 г. Луи Пари на французский язык в Париже, в 1849 г. на шведский язык в Гельсингфорсе, в 1864 г. Яромир Эрбен в Праге перевел летопись на чешский язык, в 1869 г. в Копенгагене Смит — на датский язык. В 1868 г. часть летописи была переведена на французский язык Луи Ложе и приложена к его докторской диссертации „О Несторе“. Им же сделан перевод всей летописи в 1884 г.

В том же году вышел во Львове перевод К. Лучаковского на латинский язык.

Чем объяснить столь большой и неумирающий интерес к труду, писанному 900 лет назад в Киеве, и его исключительное влияние на последующую историографию о России, как русскую, так и не-русскую? Ведь не секрет, что схема, выработанная „Повестью“, оказалась столь живучей, что от нее не могли уйти ни Карамзин, ни Соловьев, ни Ключевский. А строго говоря, слишком далеко отходить от нее не имеем оснований и мы.

Для читателя XI—XII вв. это было живое слово о Родине, о ее прошлом и настоящем, о великих трудах предшествующих поколений, завершенных образованием могущественного государства. В наше время это источник для познания прошлого Руси — источник в своем роде единственный, дающий хотя и не полное, но стройное, правдивое и последовательное изображение хода древнего периода истории Русской земли.

Русская земля жила не изолированной жизнью, она росла, крепла и завоевывала свое место в мировой истории, постоянно соприкасаясь с другими народами. Ее первые историки не могли не интересоваться этими связями, так как они входили в жизнь народа русского. Отсюда и всеобщий интерес к „Нестору“ (в собирательном значении слова). Поскольку история Киевского государства — это очень крупная часть всемирной истории, постольку и книга, написанная автором-киевлянином, посвященная своему государству, не могла и не может не представлять интереса для историка любой европейской и азиатской страны.

Я не собираюсь долго останавливаться здесь на всем богатом содержании „Повести временных лет“. Мне кажется необходимым лишь подчеркнуть главнейшие идеи, положенные в его основу, и указать на технику его выполнения.

Нас поражает прежде всего глубина постановки вопроса о месте Руси в мировой истории. Нестор, придавший скромным по замыслу записям характер широких обобщений всемирно-исторического масштаба, пользуясь данными Библии, рисует грандиозную политическую и экономическую картину мира. Среди народов он отыски-

вает место славян, чтобы таким путем последовательно подойти к восточным славянам.

Отдав дань идее славянского единства, бросив клич о славянском культурном единении через язык и грамоту, как раз в то время, когда славянство переживало тяжелые времена (Моравская держава была разбита венграми в начале X в., Болгарское царство — Византией в начале XI в., полабские и балтийские славяне уступали немецкому напору и вместе с чехами и поляками католическому влиянию), Нестор спешит перейти к главному предмету своего исследования — судьбам народа русского.

Он очень хорошо знает географию страны. Он знает, что „из Оковьского леса“ текут три крупнейшие реки, игравшие в истории России решающую роль: Днепр, Западная Двина и Волга. Он знает, что по Днепру, через систему сближающихся рек, идет путь от Балтийского моря к Черному, от стран Скандинавских — к Царьграду и Риму. Двина ведет на запад к морю Варяжскому, а Волга — далеко на восток в страны при- и закаспийские. Так он очерчивает место, на котором намерен изобразить жизнь своих соотечественников, но главное внимание обращает на тот период их истории, когда вокняжилась новая династия — Рюриковичей. Почему ученые XVIII и XIX вв. не заметили, что Нестор сознательно оставил без освещения очень большой период до-рюриковской истории Руси, неизвестно. Но факт остается фактом, и с ним необходимо считаться.

Нестор, сославшись на первое упоминание о своем народе в „летописаньи греческом“ при императоре Михаиле, так и говорит: „мы... скажем, что ся (на Руси.— Б. Г.) здеа в лета си, якоже преже почали бяхом первое лето Михаилом“, и под 858 г. помещает сообщение о том, что „Михаил царь изиде с вои берегом и морем на Болгары“, а под следующим годом приводит факт из русской истории, но факт, явно не начальный, а вырванный из середины, о том, что прибалтийские народы, в том числе и славяне, платили дань варягам и что хазары брали дань на некоторых южных русских племенах. О тех частях Русской земли, которые никому не платили дани, он молчит, тем самым показывая, что сообщаемые им факты имеют в его повествовании служебное, узкое назначение. Автору лишь надо показать, при каких обстоятельствах

появился в Новгороде варяг Рюрик и почему новая династия столкнулась с хазарами.

Династия спасла, по убеждению летописца, русский и многие не-русские народы от „усобиц“, она „великим трудом“ собрала их в единое государство, она же должна и сейчас, когда „усобицы“ с новой силой разъедают Русь, спасти политическое единство страны. Эта идея пронизывает всю тогдашнюю и последующую литературу, доводя ее до высшего своего выражения в „Слове о полку Игореве“.

Гордость за свое прошлое, опасение за будущее и призыв к защите целостности Родины — этот идейный стержень „Повести временных лет“ свидетельствует о политической зрелости как ее авторов, так и тех, для кого она была писана.

В этом труде историк русской культуры должен отметить и другую не менее важную сторону — умение справиться с делом составления истории своего государства и народа, степень подготовленности автора к большому, самостоятельному, творческому труду.

Образованных и талантливых людей на Руси в это время было уже много. Конечно, не все были Илларионами или хотя бы приближающимися по силе таланта к не известному нам по имени автору „Слова о полку Игореве“, но ведь люди, им подобные, ни в какое время и ни в какой стране не считаются дюжинами.

Нестор — не поэт и не первоклассный оратор. Это только мастер своей специальности, человек, много учившийся, много знающий и умеющий структурно и литературно оформлять свои мысли. Не вещие персты возлагал он на живые струны. В его руках было только перо, и... великий русский язык — инструмент, уже тогда совершенный, позволявший автору просто, правдиво и доходчиво изображать „своих отцов минувшую судьбу“.

Нестор — это ученый своего времени, историк, умеющий подниматься до сознания связи мировых явлений.

Прежде чем браться за столь ответственный труд, он долго и упорно проделывает подготовительную работу. В его распоряжении писания его предшественников, от которых ему, однако, удастся шагнуть далеко вперед. Он изучает греческие хроники и среди них особенно внимательно хронику Амартола и его продолжателя

Симеона Логофета. Знает он „Хронограф“, Никифоров „Летописецъ вскоре“, „Житие Василия Нового“, „Откровение Мефодия Патарского“, славянское сказание об обретеннии грамоты словенской, источники об апостоле Андрее, просветителе скифов, договоры с греками; он знает народные предания, исторические песни и другой фольклорный материал. Наконец, он сам наблюдает и постоянно общается с современниками, делавшими историю и безусловно ему помогавшими как личными беседами, так и материалами. Конечно, не кто иной, как князь Святополк Изяславич, допустил его в свой княжеский архив, где Нестор видел договоры с греками и другие документы.

Наконец, в самом Печерском монастыре бил свой собственный ключ общественной и политической мысли. Святополк Изяславич взял себе за обычай, „коли идяше на войну или инамо толи поклонився у гроба Феодосиева и молитву взем у игумена, тоже идяше на путь свой“. В 1107 г., 12 августа русские полки одержали победу над половцами, а через 2—3 дня князь Святополк прямо с поля боя был уже в Печерском монастыре с радостной вестью. Юрий Долгорукий назначил своему союзнику Владимиру свидание в Печерском монастыре, где они и „сотвориста любовь межи собою велику“. Таких фактов можно привести много.

Нестор умеет критически разбираться в фактах. Он же создает их связь и восстанавливает хронологию.

С каким признанием Несторова мастерства относились последующие историки-летописцы к его труду, видно и из того, что каждый из них труд Нестора вставлял в свое произведение без всяких умышленных изменений. Мы имеем и прямую его оценку обывателем Ростовской области, очень скромным любителем истории. Он выражался так: „Молю вас, братья, которые будут читать и слушать эти книги: если кто найдет здесь многое недостаточное или неполное, да не позазрит мне, ибо не киевлянин я родом, ни из Новгорода, ни из Владимира, но селянин Ростовских областей. Сколько нашел, столько и написал. Чего силе моей невозможно и чего не вижу перед собою лежащего, то как могу наполнить? Богатой памяти не имею, дохторскому искусству не учился... Мне, что бог поручит

в руки, то в первые лета и после впишем“ (ПСРЛ, XV, 142). „Аще хощещи вся уведати,— писал епископ Симон черноризцу Поликарпу в 20-х годах XIII в.,— почти летописца старого ростовского“.

Каждый читатель летописи, кто бы он ни был, знал, что это книга надежная и необходимая.

Всякий образованный русский человек XI—XII вв. не только должен был хорошо владеть литературным русским языком, не только разбираться в догматах своей христианской веры, иметь понятие о логике (это все и есть „докторское искусство“), но прежде всего хорошо знать историю своей страны. Доказательств тому много: высшее духовенство, князья, боярство, писатели и поэты — знают историю Руси. Илларион превосходно осведомлен в этой области. А автор „Слова о полку Игореве“ нас просто удивляет широтой своих исторических познаний и глубиной понимания исторических событий.

У кого все они учились? Откуда эта осведомленность? Ответ один: источник их знаний — „Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля“. Везде, где только жили русские люди, по этой книге учились познавать свое национальное и культурное единство, уважать и любить свое прошлое, гордиться общими предками, своей кровью сумевшими отстоять независимость Родины.

Светильник, зажженный в XI в. в честь Русской земли, освещал ее дальнейший путь. Не угас он и сейчас.

Беликорусс, украинец, белорусс, обращаясь к своему прошлому, непременно кладут перед собой „Повесть временных лет“ и находят там самих себя. В до-киевском и Киевском государстве они ясно видят корни, откуда пошли их народы с присущими всем трем ветвям Руси благородными свойствами: умом, самоотверженностью, гигантским размахом натуры. Только такой народ мог освоить неизмеримые пространства на двух материках и в постоянных встречах с народами не-русскими находить общий дружественный язык.

1970 Н.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
I. Истоки русской культуры	7
II. Культура Поднепровья VI—VIII вв.	13
III. Эволюция славяно-русской языческой религии	23
IV. Христианство на Руси. Защита Русью своей национальной культуры	28
V. Отношение русского народа к своему историческому прошлому	44

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН СССР за № 2033

Редактор *Ц. М. Подиорненская*

Л50574 Подп. к печати 27/IV 1944 г. Объем 4³/₄ п. л. + 8 вклеек
Уч.-изд. л. 4,25   Тираж 5000   Цена 3 руб.   Зак. 2142

6-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа
при СНК РСФСР
Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

О П Е Ч А Т К И

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
20 — 21	Подпись к ри- сунку	гор. Визижа	гор. Вщижа
64	9 сверху	1105	1150

Г р е к о в. Культура Киевской Руси.

2142

Цена 3 руб.